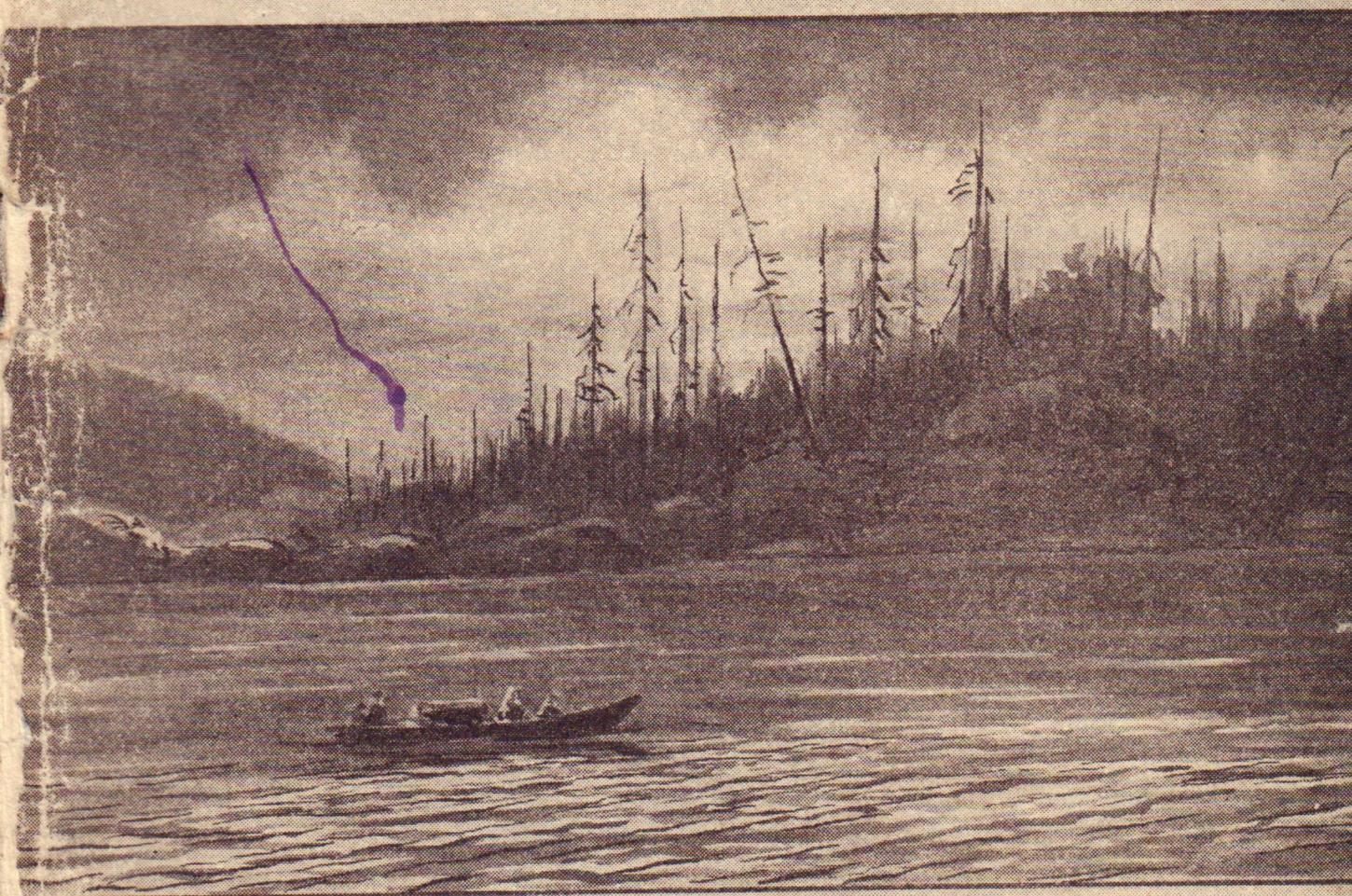

В. и Е. ЗАРИНЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ М. П. ЧЕРСКОЙ

ГЕОГРАФИЗ • 1952

В. и Е. ЗАРИНЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ М. П. ЧЕРСКОЙ

*Государственное издательство
географической литературы
Москва — 1952*

*Под редакцией
доктора геолого-минералогических наук
С. В. ОБРУЧЕВА*

*Мавра Павловна и Иван Дементьевич Черские
(с фотографии 1891 года).*

ПРЕДИСЛОВИЕ

211

История жизни и научной деятельности выдающегося геолога Ивана Дементьевича Черского и его жены Мавры Павловны — это повесть о непрерывном самопожертвовании во славу науки, во славу Родины.

Особенно изумительна последняя экспедиция Черского, когда, тяжело больной, он отправился на северо-восток Сибири и, зная, что каждый дальнейший шаг приближает его конец, тем не менее настойчиво шел все дальше и дальше, пока смерть не остановила этого движения вперед, к научной истине, и не пресекла жизнь подвижника-ученого.

И рядом с Черским стоит как друг и помощница его жена, женщина из народа, Мавра Павловна, которая делит с ним все невзгоды жизни и путешествий, поддерживает его в трудные иркутские годы, рука об руку работает вместе с ним до последней минуты его жизни и продолжает его научные исследования после его смерти.

Без самоотверженной помощи Мавры Павловны вряд ли могла осуществиться последняя и самая крупная экспедиция Черского, вряд ли могли быть собраны такие интересные научные материалы.

О жизни Мавры Павловны сохранилось очень мало сведений, и авторам настоящей книги пришлось затратить много усилий, чтобы собрать необходимые биографические данные и воссоздать ее образ.

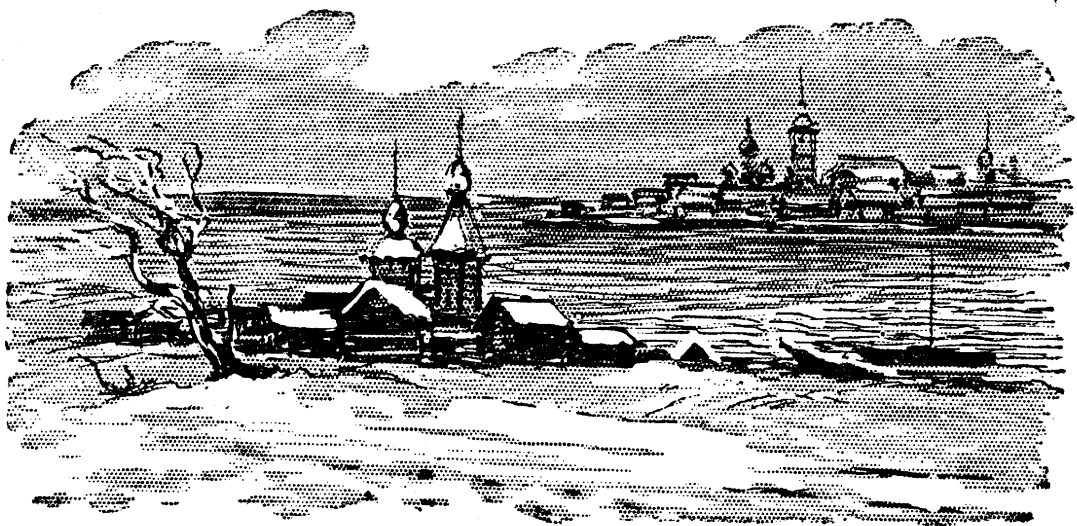
Лишь на один короткий момент, после смерти Черского, Мавра Павловна освещается как бы ярким лучом прожектора. Авторы статей, посвященных памяти погибшего ученого, пишут и о ее героическом подвиге, научные круги Петербурга принимают горячее участие в ее судьбе и судьбе ее сына; она — в центре внимания всех, кто интересуется русской наукой.

Но вот проходит несколько месяцев, новые события заслоняют трагическую гибель Черского, и Мавра Павловна покидает Петербург, на десятки лет снова исчезая в неизвестности.

Только при советской власти, в середине 20-х годов, когда создается Якутская комиссия Академии наук СССР, Колымская экспедиция Черских снова привлекает внимание научной общественности. Из архивов извлекают их дневники, из музеев — их коллекции, изучают и обрабатывают собранные ими материалы. Читают потрясающий по своей простоте и трагичности дневник Колымского плавания 1892 г. И узнают, что Мавра Павловна, эта легендарная героиня научной эпопеи прошлого столетия, еще жива и продолжает вести свое уединенное существование на предоставленную ей советским правительством пенсию. По просьбе Якутской комиссии она пишет свои воспоминания, ее портрет помещают в монографии об Якутии, изданной Комиссией.

На склоне лет Мавра Павловна видит полное признание научных заслуг ее мужа и ее самой и убеждается, что жертвы, принесенные ими, были не напрасны, что их труды служат отправным пунктом для многочисленных советских экспедиций, идущих по следам Черских.

С. Обручев.

I

В 1863 году за участие в польском восстании был сослан в Сибирь и сдан в солдаты восемнадцатилетний Иван Черский *. Восемь лет пришлось ему провести в Омске, где, несмотря на тяжелые условия казарменной жизни, он упорно занимался самообразованием. Своими незаурядными способностями Черский вскоре обратил на себя внимание сибирских общественных и научных деятелей. Особенно сильное влияние на формирование будущего путешественника оказал, живший в те годы в Омске, Г. Н. Потанин, впоследствии известный исследователь Монголии и Китая. Он помогал самообразованию начинающего ученого, подбирая для него книги по естествознанию и руководил его геологическими экскурсиями в окрестностях Омска.

Во время этих исследований Черским были обнаружены человеческие черепа, послужившие ему материалом для статьи по антропологии, тогда еще совсем молодой отрасли науки. Этот научный труд обратил на себя внимание Общества любителей естествознания, антро-

* И. Д. Черский родился 3 мая 1845 года (даты даны по старому стилю).

пологии и этнографии, куда Черский направил свою статью*.

В казарме, чаще всего ночами, Черский готовился к поступлению в университет, но нервное заболевание вскоре подкосило его неокрепший молодой организм.

Начальство не поверило в болезнь Черского, и в течение семи месяцев его подвергали унижительным проверкам, но, даже находясь в лазарете на «испытании», Черский продолжал заниматься. Болезнь его плохо поддавалась лечению, и поэтому в конце концов пришлось освободить «упорствующего» больного от военной службы. Немного оправившись, Черский все же пытался поступить в Казанский университет, но, как ссыльного, его не допустили даже к экзаменам.

Не потеряв веры в свои силы, Черский проявил необыкновенную настойчивость, продолжая самостоятельно изучать естественные науки, и без лабораторий, без специальных библиотек в короткий срок овладел рядом научных дисциплин.

В 1871 году по ходатайству Сибирского отдела Географического общества Черский получил право проживать в Иркутске.

Находясь на самых удобных путях к крайнему северу и востоку России и к сопредельным с нею странам Центральной Азии, Иркутск издавна являлся отправным пунктом для многих научных и торговых экспедиций.

С Иркутском связано немало имен русских путешественников, начиная с первых послов и торговых людей, следовавших через Иркутск в Монголию и Китай. Возвращаясь из своих дальних плаваний, «Колумб Русский» — Григорий Шелихов знакомил иркутян с результатами своих путешествий. С рапортами о блестящих открытиях на Амуре прибывал в Иркутск и капитан Невельской.

Богатые географические материалы, с годами накапливавшиеся в Иркутске, и все расширявшиеся работы по изучению Сибири вызвали к жизни учреждение, возглавившее всю научную деятельность в крае — Сибирский отдел

* В протоколе от 7 апреля 1871 г. 56-го заседания Общества записано: «секретарь представил статью антропологического содержания — о черепах, вырытых в окрестностях Омска. Труд этот представлен г. Черским... Было определено просить г. Черского продолжать его исследования...»

Русского Географического общества. При отделе вскоре был организован и музей, в котором до пожара 1879 года числилось около 22 000 музейных экспонатов.

Став хранителем этого музея, Черский начал постоянно сотрудничать и в «Известиях» отдела. Одновременно с Черским в Сибирском отделе работали выдающиеся ученые — ссыльные Б. И. Дыбовский, В. Годлевский и А. Л. Чекановский.

Черский примкнул к этому содружеству ученых, положивших начало серии замечательных работ о флоре и фауне Байкала и геологическом строении его берегов.

Воспитатель многих поколений русских географов П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал, что Черский ставил себе задачу «геологического исследования всей береговой полосы озера Байкал с целью уразумения геологического прошедшего местности, занимаемой озером, т. е. истории ее последовательного физико-географического развития, начиная с самых древних времен до настоящего времени». ¹ Выполнить эту задачу Черскому удалось ценой поистине героических усилий. Во время плаванья по Байкалу в утлой лодочке его жизнь не раз подвергалась опасности. Материальные средства, которыми располагал ученый, были настолько скудными, что с трудом можно себе представить, как в таких условиях он смог выполнить четыре экспедиции по Байкалу и провести кропотливое исследование его берегов.

* *
*

В Иркутске Иван Дементьевич Черский жил в небольшом домике бедной вдовы, существовавшей с двумя дочерьми на скромные доходы от сдачи в наем комнат.

Работы по дому, в котором жил Черский, вели дочери хозяйки — Мавра * и Ольга. Старшая, Мавра, или, как впоследствии звали ее окружающие, — Марфа, росла любознательным и способным ребенком, но отсутствие средств не дало ей возможности в детстве по-настоящему овладеть даже грамотой, и уже взрослой девушкой ей приходилось урывками, в свободные от домашней работы часы, пополнять свои знания.

* Родилась 3 мая 1857 г.

Обратив внимание на интерес Мавры к научным занятиям, Черский предложил ей заниматься под его руководством. Ласковая простота и неизменное терпение учителя наполняли сердце ученицы горячей признательностью. Она преданно ухаживала за Черским во время его частых недомоганий и старалась постоянной заботой скрасить его нелегкую жизнь. Теплота искреннего участия оказывала благотворное влияние на болезненного и одинокого ученого.

Рассказывая Мавре о своем тяжелом прошлом и делаясь своими планами на будущее, Черский всегда подчеркивал, что мужество для достижения цели он черпает только в науке, твердо веря в конечное торжество истинного знания.

Энтузиазм Черского вызывал у Мавры не только восторженное уважение к ученому, но и глубокое преклонение перед самой наукой.

Ревностно изучала молодая девушка все то, что мог преподать ей Черский. Постепенно взаимная дружба учителя и ученицы превратилась в прочное большое чувство.

Так ссыльный ученый нашел себе подругу и помощницу в лице простой сибирской девушки. «Он сумел из девушки простой и почти безграмотной, — отмечал впоследствии один из современников, — приготовить себе прекрасную помощницу, умевшую и коллектировать, и производить наблюдения, и переписывать без малейшей ошибки его сочинения с мудреными научными терминами и латынью». ²

Глубокое чувство уважения к Черскому Мавра Павловна пронесла через всю свою жизнь. «И через много лет, начиная говорить об Иване Дементьевиче, — вспоминает М. Н. Черская *, — Мавра Павловна становилась какой-то особенной, в каждом ее жесте, слове чувствовалось преклонение, безгранично глубокое уважение и преданность этому человеку».

* Жена Александра Ивановича Черского (сына М. П. и И. Д. Черских).

Авторы пользуются случаем выразить глубокую благодарность Марии Николаевне Черской, любезно поделившейся своими воспоминаниями.

В те времена, когда жила и работала Черская, женщины с трудом прокладывали себе путь в науку и завоевывали право на участие в общественной жизни страны. «Поставленные вне сфер общественных, которые дают хоть малейшую возможность развития человеческого, — обращалось к женщинам первое русское революционное воззвание семидесятых годов, — вы сами по себе ничто и получаете значение только тогда, когда церковь и X том Свода законов припрягут вас к мужчине. Никакой усиленный труд, никакая самостоятельная деятельность не выводит вас из-под этой унижительной подчиненности. Все законы написаны в таком духе, что самая талантливая из вас поставлена ниже самого глупого мужчины». ³

В ту эпоху женщины не имели права на высшее образование, а те немногие из них, которым удавалось его получить за рубежом, все равно не могли найти применения своим знаниям. Когда Московский университет ходатайствовал о предоставлении кафедры такому выдающемуся математику, как Софья Ковалевская, тогдашний министр просвещения Сабуров цинично ответил: «Я думаю, что ваша Ковалевская и даже ее дочь успеют состариться прежде, чем у нас будут допускать женщин в университет».

Понятно, как должны были относиться в иркутской чиновничьей и обывательской среде к малограмотной сибирячке, стремившейся овладеть начатками науки.

Но, несмотря на атмосферу недоброжелательства, окружавшую Черских, и на их всегдашнюю борьбу с нуждой, Мавра Павловна бесконечно гордилась своим положением спутницы ученого. Единственной тенью, омрачавшей ее существование, был постоянный страх за здоровье и жизнь мужа. Однако Мавра Павловна никогда не теряла присутствия духа — ее неизменная нравственная поддержка и неистощимый оптимизм благотворно влияли на больного ученого.

Черская рано начала принимать участие в полевых геологических работах — она участвовала уже во второй байкальской экспедиции, сопровождая мужа даже во

время самых опасных плаваний на лодке вдоль берегов обычно бурного Байкала, но летом 1879 года она вынуждена была остаться в Иркутске, так как ожидала появления на свет ребенка.

22 июня в Иркутске возник грандиозный пожар, вскоре превратившийся в стихийное бедствие, и Черской пришлось бежать из горящего города. Она уехала одна в простой телеге, которую нестерпимо трясло на колеях пересохшей дороги.

Роды наступили в пути. Престарелый ямщик не мог оказать Черской никакой помощи, но здоровый, с детства привыкший к физическому труду организм Мавры Павловны и сам прекрасно справился с трудной задачей. Рожденного на лоне природы будущего путешественника и натуралиста назвали Александром.

* *
*

Иркутск горел долго. По записям современников, от пожара уцелели главным образом такие «неопалимые» учреждения, как тюремный замок, жандармское управление, золотоплавильня, губернаторский дом; погибло же множество жилых домов и немногочисленные очаги культуры: здание Географического общества с его библиотекой и музеем и другие библиотеки города. Жители с уцелевшим имуществом выехали в окрестные деревни или разместились лагерем на берегах Ангары и Ушаковки.

Когда И. Д. Черский вернулся с Байкала, он одновременно узнал и о горестных, и о радостных событиях. При пожаре географического музея погибли все плоды его работ — результаты путешествий по Тункинским и Китоиским белкам. Из многочисленных коллекций не уцелела ни одна, и только радостное известие о рождении сына ослабило остроту невозстановимых утрат.

С увеличением семьи еще более осложнялся быт Черских, вынужденных существовать на очень ограниченные средства.

Но скромные потребности, а главное — редкостное трудолюбие помогали Мавре Павловне, занимаясь воспитанием сына, не оставлять научных занятий и так же добро-

совестно выполнять обязанности сиделки у постели часто болевшего мужа.

В 1881 году Черский закончил свои исследования на озере Байкал. Результатом его исследований, как отмечают П. П. Семенов и В. А. Обручев, было первое подробное и обстоятельное геологическое описание побережья этого замечательного озера и прилегающей к нему горной страны.

Участие М. П. Черской в работах мужа очень долго оставалось в тени — о нем знали лишь самые близкие друзья. Только во время последней, Колымской, экспедиции стало более широко известно, что Мавра Павловна была ценнейшей помощницей Черского в его научных трудах.

Мавре Павловне, спокойной, уравновешенной по натуре, некоторое время удавалось смягчать постоянно возникавшие конфликты между Черским и чиновничьим Иркутском. Эти конфликты были неизбежны, так как своей неизменной принципиальностью в научных вопросах Иван Дементьевич, в конце концов, создал себе немало врагов, количество которых возрастало по мере выдвижения Черского в первые ряды русских ученых.

«Поддерживаемый в своих научных стремлениях людьми выдающимися в Иркутске, — писал впоследствии один из друзей Черского, — он столкнулся в то же время и со средой дельцов и интриганов, которые начали оттеснять И. Д. Черского и ставить препятствия скромным его желаниям и стремлениям, составлявшим, однако, для него самые дорогие, жизненные цели; самая жизнь сибирского города, полная эгоистических промышленных стремлений, эта погоня честолюбий в чиновничьей среде мало согласовалась с характером скромного труженика науки». ⁴

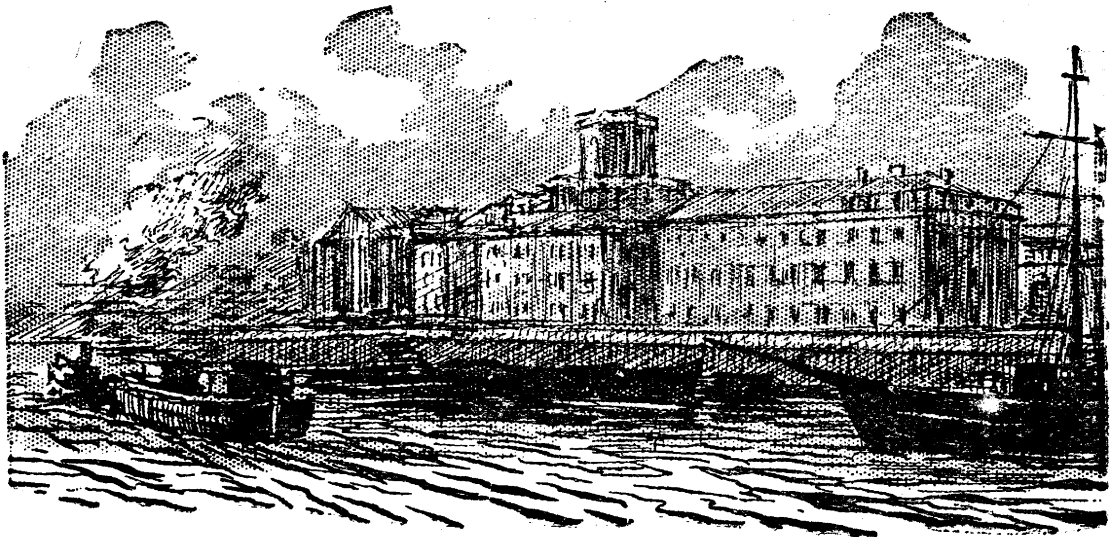
В результате ожесточенной травли, которой непрестанно подвергался Черский, он заболел и ему стала угрожать слепота. Чтобы уберечь ученого от грозившего ему несчастья, врачи потребовали, чтобы он оставил умственную работу. Каких усилий должно было стоить Мавре Павловне получить согласие Черского уйти от науки на целый год!

Иван Дементьевич поступил приказчиком в овощную лавку, которую содержал один из его товарищей по

ссылке. Лавка эта приносила хозяину очень мало прибыли, и поэтому он мог платить Черскому очень небольшое жалованье.

В 1882 году Черские покинули Иркутск и поселились в селе Преображенском, на реке Нижней Тунгуске, где вели метеорологические наблюдения, а также изучали четвертичные отложения, их фауну и флору.

В 1885 году Черский был полностью амнистирован и выехал с семьей в Петербург.

II

В Петербург Черские отправились обычным тогда путем по большому Сибирскому тракту. Во время всего пути до восточных склонов Урала они проводили по поручению Академии наук научные исследования, часто отклоняясь от основного маршрута, совершая боковые экскурсии в такие мало изученные в то время места, как окрестности города Минусинска или Падунский порог на Ангаре. Этими маршрутами Черский, по словам академика В. А. Обручева, связал район своих исследований в Восточной Сибири с хорошо изученным районом Урала.

Научные круги Петербурга приветливо встретили семью Черских. Особенно горячее участие в их судьбе принял руководитель Русского Географического общества Петр Петрович Семенов, всегда деятельно помогавший нуждавшимся ученым. Географическое общество уже несколько лет выпускало перевод капитального труда Риттера «Землеведение Азии», и для русского издания делались большие дополнения. Дополнения к третьему тому были закончены перед отъездом из Петербурга в Иркутск Г. Н. Потаниным. Черскому Семенов предложил работать над дополнениями, относящимися к озеру Байкал, Прибайкалью и Забайкалью.

Таким образом, в то время как в Петербурге Черский продолжил труды своего первого наставника, Г. Н. Потанину привелось вести в Иркутске работу, образцово налаженную его учеником. Вместе с Потаниным в Иркутске работала и его жена Александра Викторовна, одна из первых женщин, посвятивших себя науке и удостоенных звания члена Географического общества. Передовая писательница, этнограф и художник, Александра Викторовна, как и Мавра Павловна, была постоянной спутницей мужа в его замечательных путешествиях и неизменной помощницей в его научных трудах.

В Петербурге Черский много работал, приводя в порядок накопленные материалы, обрабатывая результаты чужих экспедиций и исподволь готовясь к новому путешествию. Мавра Павловна аккуратно переписывала труды мужа, справляясь с самой сложной номенклатурой. Она никогда не выказывала усталости при этой кропотливой и утомительной работе, но в Петербурге и ее крепкое, казалось, здоровье начало сдавать.

Заканчивая свою работу над дополнениями к «Землеведению Азии», Черский среди других материалов впервые опубликовал здесь результаты своих исследований по Тункинским и Китойским белкам. По своему объему и научной ценности дополнения Черского оказались более значительными, нежели основной текст.

В этот же период Черский обрабатывал материалы своего безвременно погибшего товарища — геолога А. Л. Чекановского и коллекции четвертичных млекопитающих, собранных экспедициями А. А. Бунге и Э. В. Толля на Новосибирских островах и в Прианском крае. «Этот труд, — писал В. А. Обручев, — привел Черского к таким интересным предположениям относительно геологической истории севера Сибири в новейшие периоды, что вызвал новую экспедицию на север, в Колымский край». ⁵

В Петербурге в дружественной атмосфере Черский мог работать спокойно, и Мавра Павловна могла, наконец, отдохнуть от постоянного напряжения последних лет. Ее материнское сердце, казалось, должно было радоваться и тому, что сын получает нормальное образование и что жизнь принимает для семьи оседлые формы. Однако Мавра Павловна томилась в тесной квартирке на Васильевском острове. Ее угнетала непривычная мягкость

петербургской зимы, а плотные туманы, поднимающиеся в осеннюю пору над Невой, казалось ей, отгораживали Васильевский остров от всего мира.

«Она рассказывала, — вспоминает М. Н. Черская, — что, живя в Петербурге, они ощущали недостаток воздуха и Мавра Павловна развешивала салфетки, смоченные в скипидаре, на изголовья кроватей сына и мужа». Вспоминая чистый морозный воздух Сибири, от которого, по словам Гончарова, можно замерзнуть, но нельзя простудиться, вспоминая путешествия по просторам сибирских рек и озер, по нескончаемым лентам сибирских дорог, Мавра Павловна понимала, как должен был тяготиться Черский своей слишком затянувшейся кабинетной деятельностью.

Работая над результатами экспедиций других путешественников, Черский с увлечением разрабатывал план многолетней экспедиции по северным рекам. Но он долго не решался снова ломать как-то наладившийся быт семьи и старался уверить окружающих, что чувствует себя в Петербурге отлично.

Однако, несмотря на спокойную и сседлую жизнь, здоровье Черского в Петербурге не улучшалось, и поэтому Мавра Павловна не только не отговаривала мужа от подготовки к длительному путешествию, но и сама деятельно ему помогала. И когда Академия наук предложила Черскому возглавить экспедицию в район реки Анабары, где, по полученным сведениям, были обнаружены два трупа мамонтов, Черский представил свой обстоятельно разработанный план четырехлетней экспедиции в северные районы с зимовками в разных пунктах.

Наиболее подходящими для исследования местностями Черский считал системы рек Яны, Индигирки и Колымы. Комиссия Академии наук одобрила предложение Черского, и экспедиция была утверждена. Мавра Павловна должна была принять участие в работах экспедиции в качестве зоолога, и только вопрос о судьбе сына почти до самого отъезда оставался нерешенным, служа предметом долгих и горячих обсуждений. День за днем внимательно наблюдая и правильно оценивая природные склонности сына, родители не сомневались, что участие в экспедиции принесет огромную пользу юному натуралисту. Но друзья и родные отговаривали Черских нарушать гимна-

зическую учебу мальчика и подвергать его неизбежным опасностям. Зоолог В. Л. Бианки предложил сыну Черского свое гостеприимство, и после долгих колебаний Мавра Павловна решила его оставить в хорошо знакомой семье, тем более, что сын Бианки был школьным товарищем Александра.

Александр Черский, горячо любивший родителей, ничем не выказывал своего огорчения, когда узнал о состоявшемся решении. Зная с раннего детства, как самоотверженно преданы науке его родители, и мечтая также посвятить себя научной деятельности, он не стал омрачать их сборы в долгожданную экспедицию. Однако двенадцатилетний мальчик переоценил свои силы. «Был назначен прощальный вечер в честь проводов отца у В. Л. Бианки, — рассказывает в своих воспоминаниях М. Н. Черская, — Саша с виду был спокоен. И вот, когда сыпались пожелания успеха и благополучного пути, из соседней комнаты слышались детские сдавленные рыдания. Все встревожились... и что же — забившись за дверь и почти потеряв сознание, рыдал Саша, ни на что не жалуясь, ничего не прося. Черта такой благородной гордости, проявившаяся в детстве, осталась у Александра Ивановича на всю жизнь. Тут же было решено взять Сашу с собой».

Друзьям, провожавшим отважную семью в далекий путь, казалось, что, пожалуй, непосильное бремя взваливает на свои слабые плечи больной энтузиаст-ученый. Однако никто из них не решился отговаривать его от задуманного путешествия.

Черский настолько увлечен был предстоящей работой, так хотелось ему, забыв недуги, все свои силы отдать любимому делу, что невольно, даже у самых осторожных из его друзей, зарождалась надежда на успешное завершение его подвига во имя науки.

* * *

Трудный и утомительный путь до Якутска, через Омск и Иркутск, не был ознаменован особыми событиями. Экспедиция на Колыму, собственно, должна была начинаться из Якутска, где и предполагалось снарядить караван.

Мавра Черская была не первой русской женщиной-путешественницей, отправлявшейся из Якутска в далекий и тяжелый путь. Полтора века до экспедиции Черского отсюда же начала плавание на дубель-шлюпке «Якутск» одна из первых русских полярниц — Мария Прончищева, а в 1851 году с караваном экспедиции капитана Невельского из Якутска отправилась к берегам Амура русская патриотка Екатерина Невельская.

Пути отважных русских путешественниц разных эпох — Марии Прончищевой, Екатерины Невельской и Мавры Черской — скрестились в глубине Восточной Сибири, где снаряжались все три экспедиции, участницами которых были эти самоотверженные женщины.

Мария Прончищева — участница героического отряда Великой Северной экспедиции — была женой лейтенанта Василия Прончищева, которому было поручено описать и нанести на карту участок побережья от устья Лены до устья Енисея.

Кто была по рождению, привычкам, характеру эта несомненно отважная женщина, не побоявшаяся сопровождать морехода в опасный путь? Только ли горячее чувство любви заставило ее променять привычный уют родительского дома на шаткую палубу обледенелого суденышка? Может быть, Мария Прончищева в душе давно лелеяла мечту о дальних плаваниях, о новых землях?.. К сожалению, история не оставила потомству почти никаких данных о жизни подруги бесстрашного моряка...

Известно только, что лейтенант Прончищев женился незадолго до отправления в экспедицию и что его молодая жена, не пожелав разделить обычную судьбу жен моряков, ожидающих мужей на берегу, отправилась в свое необыкновенное «свадебное путешествие». После первой зимовки, уже в начале второго плавания лейтенант Прончищев ощущал сильное недомогание, но не покидал своего поста, стараясь во что бы то ни стало выполнить порученное задание. Полярное плавание и зимовка подорвали здоровье и Марии, но она, преодолевая свой недуг, всегда была рядом с мужем — и на захлестываемой волнами палубе и у постели тяжелобольного.

Обледенелая дубель-шлюпка «Якутск», отважно пробираясь среди наседающих льдов, почти достигла самой северной оконечности Азии.

Когда, измученные непрерывной борьбой со льдами, и непогодой, моряки привели, наконец, судно обратно к устью реки Оленек, откуда начинал свой последний рейс Василий Прончищев, на борту находился мертвый командир и его умирающая вдова.

Встречный ветер долго не давал судну укрыться в устье; когда же ветер стих, команда дубель-шлюпки «Якутск» на высоком правом берегу похоронила Василия Прончищева, а затем, как гласит старинная запись, «несчастливая супруга лейтенанта Прончищева, находившаяся в сем путешествии, лишась весьма любимого мужа, не перенесла потери и, снедаемая печалью, вскоре последовала за супругом во гроб и похоронена с ним вместе».

Один из друзей Черского, геолог Чекановский, во время своих путешествий по Северной Сибири нашел эту скромную могилу.

Именем Василия Прончищева назван горный хребет, один из мысов и восточный берег Таймырского полуострова. Имя Марии Прончищевой носит одна из бухт этого же полуострова. Так на географических картах увековечена память о славных мореплавателях.

Русская путешественница первой половины XIX века Екатерина Невельская так же, как Мария Прончищева, свое свадебное путешествие совершала в опасных условиях экспедиции к неведомым берегам.

Тысячу сто верст верхом на лошади, преодолевая бездорожье, проехала она от Якутска к Охотскому морю, откуда путь экспедиции лежал к устью Амура. Водный путь России к океану и огромные пространства приамурских земель предстояло исследовать отважной горстке русских моряков, среди которых находилась Екатерина Невельская.

В течение почти пяти лет, в тяжелых условиях не только холода и одиночества, но и постигшего экспедицию голода, не покладая рук трудилась Екатерина Невельская, своей гуманной деятельностью оказывая огромную помощь делу освоения нового края.

Достойная предшественница Мавры Черской, она так же, как подруга ссыльного ученого, по воспоминаниям современников, была счастлива и горда своим «горьким, но высоким положением». Всей своей жизнью Екатерина Невельская доказала, как нерушимо хранила она заве-

ты лучших русских женщин своей эпохи — декабристок, чей благородный пример воспитывал все новых и новых последовательниц.

Маршруты трех русских путешественниц разных времен, соединившись в Якутске, расходились затем в разные стороны, уводя отважных женщин далеко друг от друга: на Крайний Север — Марию Прончищеву, на Крайний Восток — Екатерину Невельскую и на Северо-восток — Мавру Черскую.

Но основой жизненного пути этих смелых путешественниц неизменно оставалось роднящее их стремление честно выполнить свой долг перед родиной. Этот истинный патриотизм был одинаково свойственен и полярнице Прончищевой, и участнице амурской экспедиции Невельской, и Мавре Черской, начинавшей из Якутска свое героическое путешествие.

* * *

*

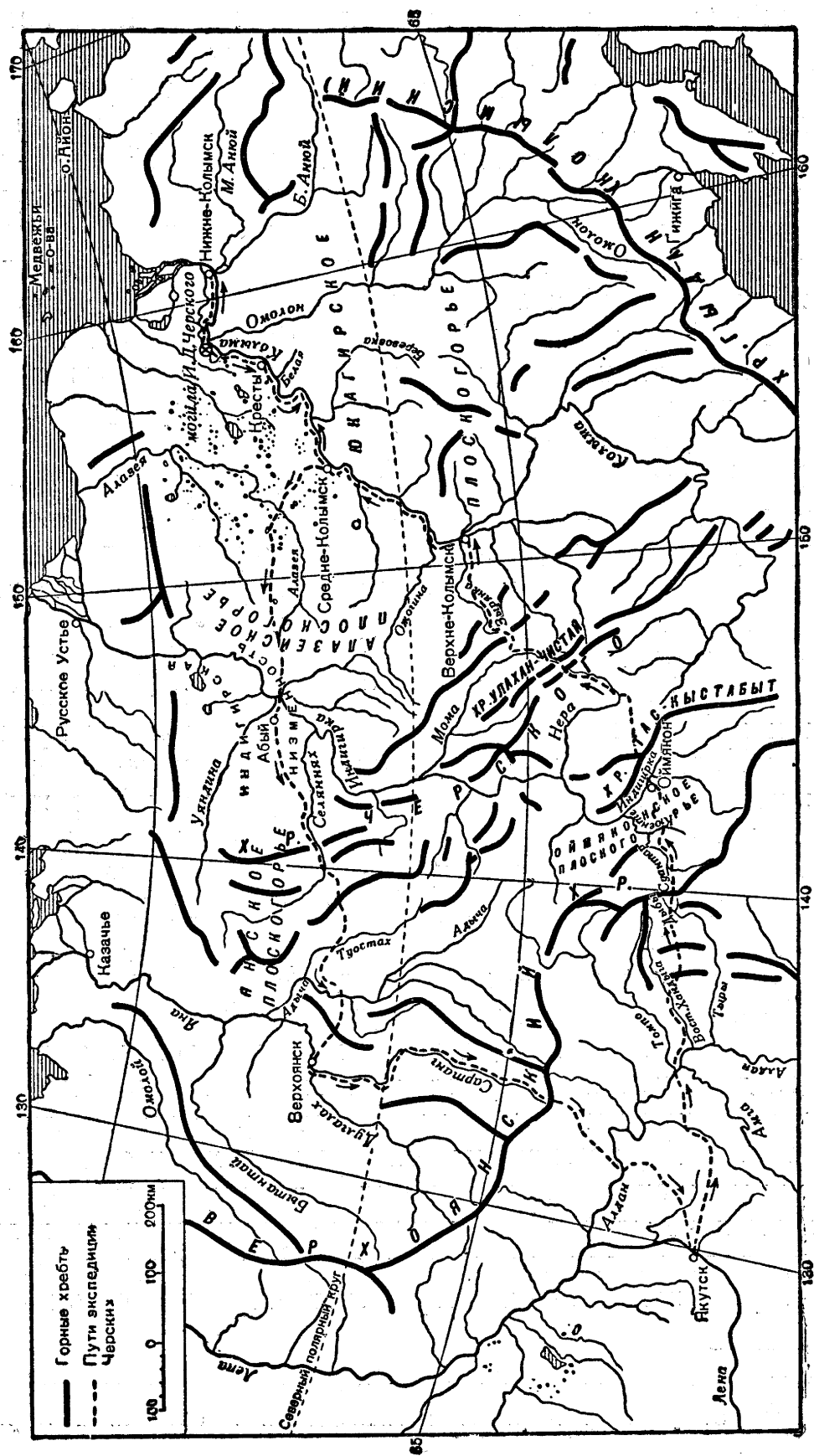
Прибыв в Якутск, Черские занялись снаряжением каравана. Иван Дементьевич, плохо разбираясь в хозяйственных делах и опасаясь хищничества подрядчиков, орудовавших в Якутске, обратился к губернатору с просьбой оказать содействие при подборе лошадей для экспедиции. Но губернатор не стал обременять себя делом, которое не сулило ему ни выгоды, ни славы, и поручил снаряжение каравана самому продувному из всех подрядчиков — Кривошапкину из Оймякона. Когда Черских известили, что каждая лошадь до Верхне-Колымска обойдется по 100 рублей (обычная цена была 50—60 рублей), — предпринимать что-нибудь самим было уже поздно. Стоял июнь месяц — до конца августа необходимо было добраться к месту зимовки, иначе можно было застрять в пути и сорвать план экспедиции этого года.

Единственное, что оставалось путешественникам при их строго рассчитанных средствах, — это максимально сократить количество вьюков. Черские решили взять с собой, главным образом, научное оборудование и только самое необходимое из продовольствия, так как их обнадежили, что оставленные грузы (съестные припасы и свечи) будут отправлены вслед экспедиции обычным почтовым путем.

В своем письме-отчете, уже из Верхне-Колымска, Черский писал о неудаче с транспортом и о печальных последствиях этой неудачи: «Дело в том, что немаловажная часть инвентаря значится у нас, покамест, на бумаге, а самолично обретается еще за упомянутыми выше горами, которыми край этот отделяется от остального мира, открываясь только к северу, к негостеприимному Ледовитому океану. Везти с собой припасы и другое необходимое в пропорцию на 1½ года было бы слишком убыточно при неимоверно высокой провозной плате (100 руб. с лошади) ...кладъ, следующая обычным почтовым путем к Верхне-Колымску (через Верхоянск), отправляется всего лишь три или четыре раза в год, ...пока нам доставили одну лишь письменную корреспонденцию. И вот, с 22 октября мы довольствуемся одними лишь нравственными наслаждениями, без малейшей примеси вещественного сахара, ничтожное количество которого хранится только для почетных гостей, под надзором неумолимо экономной хозяйки»⁶. В такой полушутливой форме Черский ставил Петербург в известность о тяжелом положении зимующей экспедиции, когда при лютых морозах приходилось отказывать себе в самом необходимом, когда Мавра Павловна вынуждена была сберегать даже остатки сахара.

И все же и такая оседлая жизнь в Верхне-Колымске первое время казалась Черским раем после всех превратностей пути — после бесконечно длинных подъемов на горные перевалы, переходов через бурные реки, болота реки Хандыги и грязные топи реки Зырянки, — после всего того, что пришлось впервые испытать и Мавре Павловне, и юному путешественнику Александру Черскому. В своем отчете Черский приводит красочное описание одного из таких переходов:

«Человек, не побывавший на таких болотах, не может оценить силу той нравственной и физической усталости, которая вызывается постоянным напряженным состоянием во время езды по таким местам. Лихорадочная торопливость овладевает и лошадь, чувствующую, как вязнут ее ноги: с трудом освобождая их из зыблущейся трясины, животное мечется и бьется в самых неизящных движениях, причем из-под ног его вырываются большие куски мохового покрова и взлетают далеко вперед и в

сторону. Надеясь найти около корней деревьев более устойчивую почву, она мчится прямо на лесину, нанося удар в колено или плечо ездока, в особенности потому, что ствол дерева, растущего на зыблющемся торфянике, не всегда выносит тяжесть взобравшейся на его корни лошади и сейчас же наклоняется в ее сторону. Изгибаются ездоки, отстраняя ветви и сучья от глаз; ударяются выюки о деревья; выбившиеся из сил лошади падают, роняя выюки или ездоков. Раздаются громкие крики: тох-то́, тох-то́ (стой-стой) и хót-хót (ну-ну). Временною развязкою такой удручающей возни бывает обыкновенно весьма жалкая картина: 5 или 8 лошадей лежат в различных, нередко очень странных позах и требуют безотлагательной помощи людей». ⁷

Сын Черских безропотно переносил все неудобства пути, стремясь оправдать свое звание путешественника. Он сразу сумел стать полезным членом экспедиции, так как, прислушиваясь к разговорам проводников-якутов, быстро научился говорить по-якутски.

В своих отчетах Академии наук Черский упоминает о не совсем опытных стрелках, к которым несомненно относились Саша и племянник Черского Генрих, по просьбе Мавры Павловны взятый в экспедицию в качестве стрелка и препаратора. Когда в петербургском музее юношу обучали препараторскому делу, он казался необыкновенно способным, но во время экспедиции не оправдал возложенных на него надежд, доставив Черским много неприятностей *.

«По части птиц, — признается Черский в своем отчете, — не удавалось нам в двух отношениях: дожди мешали охоте, а по неопытности применяться к величине заряда для мелких птиц, на которых обращено было особенное внимание, мы частенько расстреливали их жестоко. Тем не менее мы сохраняли даже и самые жалкие шкурки видов, встречавшихся в первый раз на пути и которых не удавалось заместить лучшими, имея в виду их определение для знакомства с составом фауны вообще. Некоторых птичек, — подчеркивает Черский, однако, за-

* Прибыв к месту зимовки, племянник Черского окончательно отказался от участия в работах экспедиции и остался в Верхне-Колымске.

слугу стрелков, — удавалось убивать даже на высших пунктах хребтов, далеко за пределами древесной растительности, например, на описанном выше Улахан-Чистай и на Верхоянском хребте». ⁸

Даже самый сухой перечень собранных Черскими коллекций и работ, проведенных от реки Алдан до Верхне-Колымска, показывает, какие большие, разносторонние исследования выполнялись малочисленной экспедицией.

Семьдесят шесть дней продолжалось путешествие Черских от Якутска до Верхне-Колымска, и за это время ими было пройдено почти две тысячи верст верхом на лошадях по горной стране, еще ни одним геологом не исследованной. «Те же 2 тысячи верст, проеханные верхом даже по шоссейной дороге, — пишет Черский, — должны были бы вызвать в путешественнике некоторое расположение к оседлой жизни. Известно, однако, что особенности нашей тропы не подлежат сравнению с дорогами культурных местностей». ⁹

Выйдя 14 июля 1891 года из Якутска, караван направился к устью реки Амги. Долина Амги должна была предстать взорам путешественников во всем великолепии своего летнего убранства.

Недалеко от ее устья экспедицию ожидала весьма не безопасная переправа через Алдан. «Алдан — это шумный, удалый, добрый молодец, — описывает эту реку один из современников Черского, — весь в перекатах и шиверах. Повороты его крутые, струи пенистые. Островов, мелей, мысов — бесчисленное множество. Грозные обвалы тянутся иногда на целые версты; огромные горы, наполовину размытые, висят местами над самой рекой и роняют в мчащиеся мимо с ревом волны глыбы земли да десятины леса». ¹⁰

Переправившись через Алдан и миновав надолго запомнившиеся болотистые берега реки Хандыги, Черские пересекли предгорья Верхоянского хребта. Углубившись затем в самый хребет, путешественники значительно отклонились к югу, а затем к востоку от обозначенной на карте тропы.

Путешествие верхом на лошадях по долинам, где разбитые на десятки рукавов реки, вздуваясь от дождей, затрудняют переправы и солнце печет с неожиданной силой, оказалось гораздо более утомительным, чем представляла

себе Черская. Часто ее охватывал невольный страх за больного мужа и получавшего свое боевое крещение подростка-сына. Но Иван Дементьевич умел свыкаться с любой походной обстановкой, а Саша, во всем стараясь подражать отцу, был неизменно весел и чувствовал себя счастливым, неся обязанности равноправного члена научной экспедиции. Он с увлечением зарисовывал и понравившиеся ему пейзажи, и особо интересные экземпляры из собираемых коллекций.

На стоянках у исследователей обычно мало оставалось времени для отдыха. Помощников у Ивана Дементьевича, кроме членов его семьи, как известно, не было, и поэтому легко себе представить, какую большую работу приходилось выполнять Мавре Павловне, желавшей по возможности облегчить труд мужа и сына. Возни с коллекциями было немало, особенно с ботаническими. Растения приходилось многократно просушивать, так как влага, которой был насыщен воздух, сильно мешала сохранности растений. Кроме того, они оказывались часто подмоченными при переправах вброд.

Перевалив через Верхоянский хребет в верховьях речки Дыбы, путники пересекли систему верховьев речек Кункэй и Кюенте и спустились к Оймякону.

Вблизи Оймякона каравану пришлось остановиться на несколько дней: Индигирка вышла из берегов, и переправа стала невозможной. Каждый лишний день задержки грозил успеху всей экспедиции. Дождливое лето превращало болотистые долины в настоящее водное царство, по которому пробираться становилось все труднее.

На отрезке пути до Верхне-Колымска, Черский первый правильно наметил направление горных хребтов: «...мы перешли Верхоянский хребет, — писал он, — вблизи места отделения его от Яблонового и убедились в том, что он отличается здесь почти меридиональным направлением (ССЗ), тогда как Яблоновый отклоняется к востоку. Что же касается промежутка между Индигиркою и Колымою, то он выполняется уже отрогом Яблонового или Станового хребта, разделяющимся на несколько второстепенных частей»¹¹.

Обработав материалы этого путешествия, Черский в своем отчете Академии объединяет пройденные им горные цепи в Индигирско-Колымский отрог Яблонового хребта,

указывая новые направления хребтов, до него неправильно начертанные на географических картах. Смерть помешала Черскому продолжить орографические наблюдения и дать ясную картину горных хребтов северо-восточной Якутии.

Основной задачей Черского было изучение геологического строения огромной страны, лежащей к востоку от Лены. И первые же шаги, которые сделал исследователь, ознаменовались целым рядом открытий. Он выяснил, что Верхоянский хребет сложен на западе нижним палеозоем, а на востоке — мощными толщами черных триасовых сланцев; такие же сланцы слагали и цепи к востоку от Индигирки. Наметились и основные черты тектоники этих хребтов.

Все это были совершенно новые факты, и Черский приподнял завесу над таинственной страной, о геологии которой никто до тех пор ничего не знал.

Долгие годы ни один исследователь не нарушал покоя этих горных высот. Огромный край, ограниченный Алданом и Яной на западе, Колымой на востоке, был пересечен единственным маршрутом Черских.

Лишь в 1926—1929 годах советской экспедиции, под руководством С. В. Обручева, который посвятил много лет изучению северо-востока нашей страны, удалось не только продолжить и расширить наблюдения Черского, но и сделать новые, важные открытия.

«Мы теперь можем решиться на большее, чем Черский, — пишет С. В. Обручев, — мы можем выделить уже не Индигирско-Колымский отрог Яблонового хребта, но целую громадную дугу, параллельную Верхоянско-Колымскому хребту и превышающую ее по высоте». ¹² Этот горный хребет по предложению С. В. Обручева был назван именем Черского.

Во время путешествия на Колыму Иван Дементьевич занимался, главным образом, геологическими наблюдениями. Руководя также всеми другими исследованиями, которые выполняла по его заданиям Мавра Павловна со своим юным помощником, Черский не мог посвящать свое время еще и хозяйству экспедиции. Все эти заботы ложились опять-таки на плечи Мавры Павловны — «хозяйки», как ее неизменно именует Черский в своих отчетах.

Умение Мавры Павловны завоевывать доверие местного населения имело большое значение во всех ее хозяйственных делах, а также при сборе расспросных данных, которым Черский отводил значительное место в своих работах. Через много лет, встречая экспедицию С. В. Обручева, старожилы тепло вспоминали Черскую, простую русскую женщину, умевшую найти пути к сердцам таких же простых, с трудом пробивавших себе дорогу в жизнь, жителей Севера

* * *

Вершины гор все чаще стали покрываться снегом, напоминая о необыкновенной краткости здешнего лета. Заветное «колючко», которым на карте обозначен Верхне-Колымск — конечный пункт экспедиции этого года, — все еще было очень далеко, и каравану Черского приходилось торопиться, оставляя минимальное время для отдыха.

Между Индигиркой и рекой Нерой путешественники пересекли большой хребет Тас-Кыстабыт («камень набросанный»), а затем дальше к востоку достигли следующего хребта, который в этом месте носил название Улахан-Чистай («большое безлесное пространство»).

Пересекая Улахан-Чистай, караван прошел по продольной долине между двумя горными цепями. Несмотря на отсутствие древесной растительности, долина эта не производила мрачного впечатления — живописным фоном для нее служили остроконечные причудливые пики гор.

Плотный туман закрывал выход из долины. Внезапно подул резкий ветер и начался обильный снегопад. Проплутав немало времени, караван вышел к долине реки Борулах (система реки Момы). Путь пролегал теперь по красивому ущелью, которое оказалось верховьем долины этой реки.

Впереди лежал третий и последний перевал через один из главнейших отрогов сложного хребта, который Черский назвал Индигирско-Колымским водоразделом. «Эта южная часть обозначаемого на картах хребта Тэмүс-Хай, — заканчивает Черский описание последнего

отрезка маршрута Якутск—Верхне-Колымск, — столь же красивая альпийская цепь, как и Улахán-Чистáй, и параллельная последней». ¹³

Самые трудные подъемы, крутые спуски и резкий ветер, до костей пронизывающий на перевалах, не оставили у путешественников таких неприятных воспоминаний, как болота и непроходимые чащи лесов.

Продираясь сквозь сдвинувшиеся лесные стены, путешественники рвали одежду и даже получали серьезные ранения. Ящики с коллекциями, которые так старательно укладывала и оберегала Мавра Павловна, иногда разбивались во время этих переходов. «Замечу здесь еще об одном довольно оригинальном обстоятельстве, — описывает Черский проход каравана по лесной чаще, — которое вызывает иногда переполох лошадей и может вести за собой как повреждение вьюков, так и падение ездовых, — это известные каждому осы, шарообразные гнезда которых путешественник нередко встречает здесь в чаще около самой тропинки. Якутские лошади по горькому опыту отлично знают этих насекомых и пугаются, слышав даже их жужжание». ¹⁴

Утешая себя радужными надеждами на экспедицию будущего года, путники преодолевали и лесные дебри, и горные высоты, и топи болот, восторженно рисуя себе картины плавания по широкой водной глади неизведанной Колымы. Об этих надеждах Черский писал Академии: «Гораздо более удобный водный путь по Колыме, без перевалов, несвоевременных снежных метелей и холодов должен способствовать несравненно большему сбору зоологических коллекций в течение будущего лета». ¹⁵

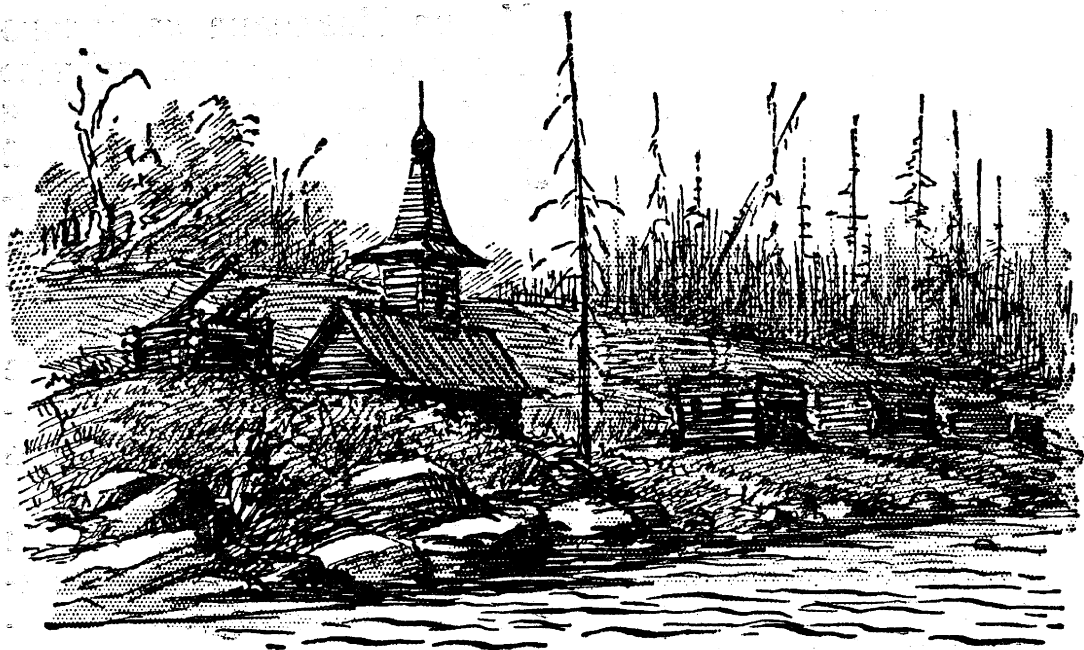
Усталые люди и животные торопились к месту зимовки — «домой», откуда не надо и нельзя уже будет выезжать целых 9 месяцев...

Погода все больше портилась. Однажды в середине августа повалил густой снег. Очень быстро была запорошена вся окружающая местность. Ветви деревьев обвисли под тяжестью снежного груза, и пушистые холмики возникли на месте пней. Хотя путешественники и любовались этим неожиданным зимним пейзажем, но в таких условиях сборы коллекций стали невозможны. Мавра Павловна за время пути с большим трудом собрала даже те 16 экземпляров полевок, белку, пищуху и добытую из

желудка совы землеройку, о которых сообщает Черский, признаваясь в ничтожно малом пополнении зоологических коллекций.

Метеорологические таблицы, приводимые в отчете Черского, показывают, насколько трудно было продвигаться каравану по этой горной стране.

Путешественники старались восполнять пробелы в своих наблюдениях расспросными данными, которые давали много ценного материала о распространении млекопитающих и птиц. И эвены в горах Якутии, и якуты из чудесной долины реки Суантар подробно знакомили путников не только с животным и растительным миром, но и с особенностями своего быта.

III

Последние несколько километров до Верхне-Колымска Черские проплыли по реке Ясачной на карбасах *.

«Невзрачный уголок этот, — описывает Черский прибытие экспедиции на зимовку, — мы узрели 28 августа ст. стилия, подплывая к нему на двух карбасах, по причине значительного повышения уровня вод в реках, затопивших низкие места и помешавших нам приблизиться к Верхне-Колымску на лошадях. Почерневшая, хотя и не старая деревянная церковь, развалина древней часовни, семь юртообразных домиков без крыш и без оград, со слюдяными или ситцевыми окошками, неправильно расставленных вдоль берега, да еще несколько амбарчиков — вот все, что мы увидели, обогнув последний мыс реки. Пейзаж этот украшен был пожелтелым уже лесом, поросшим по окрестной низменности, и оживлялся десятком волкообразных ездовых собак, флегматически расхаживавших по берегу. Мы салютовали месту нашей добровольной ссылки несколькими выстрелами из берданок и получили такой же ответ из винтовок вышедших на берег людей».¹⁶

* Большие лодки, которые делаются в окрестностях Верхне-Колымска юкагирами.

Немедленно по прибытии Мавра Павловна деятельно принялась приспособлять для жилья предоставленную Черским квартиру в центре поселка — между старой и новой церквями. Этот, по выражению Черского, второй по изяществу дом не имел, сообразно с местным «архитектурным» стилем, крыши, а слюдяные и ситцевые окна почти не отличали его от других жилых строений Верхне-Колымска.

«...Два дня спустя, — пишет Черский, — мы имели уже гостиную и две спальни (они же и рабочие комнаты), отделанные с возможным комфортом. Окна украсились занавесками; деревянный остов диванчика допотопного фасона покрылся войлоком в роли пружин и обит куском старого ситца. Появилась различная своеобразная мебель: из дверей, положенных на несколько выючных ящиков, создан был просторный письменный стол; а из обрезков досок сделаны угловики, этажерки и т. п. Все это быстро покрылось блестящими клеенками, изящными салфетками, а кое-где и белой писчей бумагой. Заблестели подсвечники и письменные принадлежности, а темные стены изукрасились развешенными на них картами, планами, а местами и оружием. Эффект комфорта был полнейший и возбудил в нас какую-то детскую радость». ¹⁷

Вскоре после приезда Черские познакомились с немногочисленным русским населением Верхне-Колымска, которое состояло из семейства священника, псаломщика, приказчика средне-колымских купцов и одного ссыльного поселенца. Частыми гостями приезжих стали и коренные жители края.

9 месяцев предстояло семье путешественников провести в этой «Крепости» *, расположенной на левом берегу реки Ясачной, в 4 км от ее впадения в Колыму. До путешествия Черских Верхне-Колымск неправильно обозначался на картах на реке Колыме.

Первое время после прибытия Черские «роскошествовали», вознаграждая себя за все лишения в пути. Особенно благотворно на здоровье семьи сказывалось временное обилие хая́ка (взбитой и замороженной смеси молока с

* Местное название Верхне-Колымска в те годы. Городом колымские жители называли только Средне-Колымск.

маслом), о котором Черский с таким восторгом упоминает в своих отчетах: «Хайк подается расколотым на приличные куски в чистом виде, а иногда мелко раздробленный в смеси с какими-либо ягодами, а кто имеет — и с сахаром. К числу не только приправ, но иногда и десертов принадлежит и обыкновенное масло... Значительные дозы масла кладутся также в каждую чашку чая... Столь высокие северные широты, вместе с 58-градусными морозами, породили в нас, в свою очередь, страсть к жирам... И вообще, желудки, испорченные петербургским маргарином до невозможности, великолепно переваривали здесь целые комья колымского хайка». ¹⁸

Мавра Павловна очень скоро сблизилась с верхнеколымскими обитательницами и научилась у них готовить десятки рыбных блюд. В своих отчетах Черский приводит множество рыбных рецептов, несомненно собранных для него Маврой Павловной, и среди них рецепты «голодовочных» блюд, в предвесеннее время составлявших единственное питание большинства колымчан. Питаясь супом из мелко настроганной листовичной древесины с «подкрасой» из нескольких полупротухлых рыбешек, колымские жители с трудом выдерживали, по образному выражению Черского, «тяжелую борьбу за зимнее бытие».

Проходили дни, недели, а обещанного транспорта с продовольствием не было и в помине. Запасы муки в экспедиции начали иссякать. Мавра Павловна стала кормить семью якутскими пирогами, блинами и оладьями, делая их, как якутки, без муки, все из той же рыбы. «Всем нам, — пишет Черский, — как любителям рыбы, колымская диета не могла показаться неприятной... икрыные же блины и им подобные печения приобретают для нас тем большую будущность, чем менее надежды на скорую доставку муки». ¹⁹

К началу октября, когда окончательно установилась зима, из слюдяных окон стало нестерпимо дуть. С нетерпением ждали зимовщики замены слюдяных стекол ледяными. 12 октября, наконец, это событие совершилось. «Мы ознакомились, наконец, лично, — сообщает Черский, — с этим оригинальным изобретением северян, о котором нельзя было составить себе надлежащего понятия по имевшимся до сих пор литературным данным. На нарте, запряженной четырьмя собаками, подвезли к нам

плиты прозрачного льда, заготовленные уже заранее в двойном количестве против числа окошек (на случай замены) и стоявшие на реке... После незначительной подправки при вставлении плита подпиралась с наружной стороны жердью для удержания ее в колоде окна и сейчас же вмазывалась снегом, смоченным водой». ²⁰

Наступили знаменитые якутские морозы, во время которых в ясном воздухе отчетливо бывает слышен «шопот звезд»*. Подходили к концу запасы свечей и мыла. Но в письмах Черского в Академию нельзя подметить ни одной унылой нотки. Наоборот, он позволяет себе даже в академических отчетах, обычно выдерживаемых в сухих официальных тонах, неслыханные «вольности» в виде лирических или шуточных отступлений.

Неподдельной жизнерадостностью веет от описаний Черского «парадных» чаепитий на Колыме, и с трудом верится, что писал их истощенный смертельной болезнью человек, доживающий последние месяцы жизни. «Особенно досадно бывает, когда при гостях, — пишет Черский, — на столе нашем за чаем появляются какие-либо вкусные и жирные лепешки, причем в открытой сахарнице белеют куски сахара. А между тем к сим предметам роскоши не только не смеешь припасть, а напротив, должен изображать из себя лицо, относящееся к этим лепешкам самым равнодушным образом. Наполняешь поэтому свой стакан чая сухарной крошкой (неистертые сухари в свою очередь у нас сберегаются) и пьешь его без сахара, облегчая себя мыслью, что вот, спустя месяц или два, придет транспорт и будет праздник и на нашей улице. А если когда и дерзнешь протянуть руку к чему-либо, уготовленному «для гостей», то это делаешь с какой-то неиспытанной до сих пор робостью». ²¹

Гостей приходилось принимать главным образом для пользы дела. За чайным столом собеседники охотнее рассказывали о народах, населяющих этот отдаленный край, о его природе и климате. Бывший ссыльный вынужден был оказывать уважение и приезжавшему иногда исправнику, которому в один прекрасный день, очевидно, надоели чаепития при свете коптилки, и он сделал зимовщи-

* Так якуты называют шорох, производимый замерзающим на лету человеческим дыханием.

кам драгоценный подарок — целый фунт стеариновых свечей! Эта щедрость исправника была настолько ценной для Черских, что о ней упоминает не только Иван Дементьевич в своем отчете, но и Мавра Павловна в своих воспоминаниях, написанных через 35 лет после зимовки в Верхне-Колымске, наряду с самыми важными событиями отмечает и эти «исправниковы» свечи!

Свой второй отчет о проведенных работах Черский отправил из Верхне-Колымска на шестом месяце зимовки, когда обработку научных материалов приходилось проводить уже при слабом мерцании фитильков, опущенных в рыбий жир, или при тусклом свете, проникавшем сквозь льдины, вставленные в окна.

В отчете дается перечень сделанных за это время работ, разнообразие и широкий охват которых кажутся просто невероятными для такой малочисленной экспедиции. Ничем не выдавая резкого ухудшения своего здоровья, Черский обрабатывал накопленные во время экспедиции материалы, с гордостью сообщая в Петербург: «Вместе с настоящим письмом я выслал в Академию:

1) Мой маршрут от р. Алдан до Верхне-Колымска с нанесенными на нем красками и знаками геологическими данными... и такие же профили... 2) Предварительный отчет об исследованиях, произведенных в 1891 году, содержащий орографический и геологический очерки местности, пересеченной моим маршрутом, 3) Карту верхних течений рр. Колымы, Индигирки, а также Индигирско-Алданского водораздела, исправленную на основании моего маршрута и расспросных сведений, в масштабе, принятом для большой карты Главного штаба, т. е. 100 верст в дюйме, 4) Разрез всей горной страны между Алданом и Верхне-Колымском... с обозначением слагающих местность горных пород и положения их пластов... и, наконец, 5) Метеонаблюдения за сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и январь месяцы.

После такой обработки собранного материала в дополнение к моему первому письму из Верхне-Колымска, отосланному отсюда 15 сентября 1891 г., могу прибавить теперь, что из четырех пересеченных мною на пути альпийских цепей:

а) Верхоянский хребет (между Алданом и Индигиркой) достигает на месте перевала 5985' высоты над

уровнем р. Лены около г. Якутска; б) хребет Тас-Кыстабыт (между Индигиркой и р. Нерою) — 6 099'; в) Улахан-Чистай (между Нерою и системой р. Момы) — 6 294'; г) Томус-Хай (ближайший к Колыме) — 6 281' *.

К цифрам этим следует прибавлять еще приблизительно по 1 000' для высших точек, лежащих по бокам перевалов, и еще более 500' для высоты р. Лены около Якутска... Не лишним здесь будет, пожалуй, извлечь из моего отчета и нижеследующую табличку, в которой показана вертикальная граница распространения древесной растительности на этих, параллельных (в общем) друг другу, цепях; она проходит над уровнем Лены около Якутска на высоте:

	На ЮЗ склоне	На СВ склоне
На Верхоянском хребте . .	5 017'	5 350'
Тас-Кыстабыт	5 590'	5 710'
Улахан-Чистай	5 630'	5 224'
Томус-Хай	5 370'	4 714'

Рыбу поэтому, кажется, мы недаром ели»,²² — заключает Черский перечень работ, самоотверженно проведенных семьей путешественников.

Время шло, и все меньше оставалось надежд на прибытие грузов до весны, но все помыслы путешественников были устремлены в будущее, когда растопятся ледяные покровы таинственной Колымы и можно будет поплыть дальше, туда, куда не добирался еще ни один геолог.

Часто вечерами семья собиралась вокруг мигающего светильника и обсуждала маршрут дальнейшего путешествия. «Вслед за вскрытием реки (в последних числах мая), — намечал Черский, — я начну плавание по Колыме до Нижне-Колымска; оттуда, ввиду значительных и частых волнений, могущих задерживать экспедицию, я должен отправиться сухим путем (на лошадях) до берега Ледовитого океана, около Медвежьего мыса и обратно в Нижне-Колымск; обратно в Средне-Колымск, вверх по реке на лямке; оттуда по Верхоянскому тракту (на выючных лошадях) до Индигирки и, наконец, вверх по ее левому берегу до Омукеля (т. е. Майор-Крест)... Спускаясь летом по Колыме к Ледовитому морю, — мечтали Черские

* Значок ' обозначает меру длины — фут, равный 0,305 метра.

в тусклой полумгле своего жилища,— мы будем пользоваться незакатывающимся солнцем...»²³

В предутренние часы, когда, несмотря на ледяную броню на окнах, холод пробирался в жилище Черских, Мавра Павловна вставала, чтобы вместе с мужем записать показания метеорологических приборов, а если он чувствовал себя плохо, отправлялась одна. Никакие морозы не могли помешать регулярности этих записей.

Утром суровое безмолвие изредка нарушалось грустной песней якута. «При едва лишь пробуждающейся заре, после обычных моих наблюдений,— пишет Черский,— я нередко с удовольствием слежу за таким певцом, мчащимся на четверке собак вдоль снежной пелены речного русла. Постепенно замирающая, заунывная трель эта всегда навевала на меня нечто томно-сентиментальное. Воспевал ли он красоту зари при трескучем морозе или надежды на хороший лов налимов в заезке, к которому он направлял свою легкую нарту,— быть может в песне той фигурировал и я — житель неведомого им мира, стоявший тогда на высоте берегового склона его родной реки?». ²⁴

Песни и легенды, быт и экономика края привлекали особое внимание Черских.

В своих письмах и отчетах Академии наук Черский отмечал те трудности, которые подстерегали «геолога, витающего... не в своей сфере», и подчеркивал, что «изучение экономического быта народонаселения не дается так легко, как восстановление какой-либо складки горных пород, обнаруживаемой хорошими утесами».

Черский считал, что те несколько месяцев, которые он провел в Верхне-Колымске,— слишком небольшой срок для детального ознакомления с «волнами и складками социально-экономической жизни» края.

Изучая скудную в те времена литературу, посвященную Якутии, Черский с возмущением отмечал праздные домыслы иностранных исследователей, свысока рассуждавших о северных народах, умственные способности которых якобы значительно ниже, чем у жителей Европы. «У меня, например,— писал он,— живет ныне молодой якут (Анисим Слепцов), умственными способностями которого и силе того интереса, какой предъясняется им к

науке и вообще отвлеченным вопросам, могут позавидовать и многие европейцы». ²⁵

Трудно было Черским мириться с тем, что такой одаренный народ осужден прозябать в невежестве и не может выбраться из нищеты и бескультурья.

В отчетах и письмах Черского бьется живая, яркая мысль, чувствуется подлинная любовь к народам Якутии, для которых он пытался отыскать пути к лучшей жизни.

Он даже составил проект, в котором говорилось и о том, как надо снабжать жителей всеми товарами, чтобы предохранить их от чудовищной эксплуатации кулаков и от угрозы проникновения американских купцов, которые вели хищническую торговлю с населением соседней Чукотки, выменивая у него за бесценок драгоценную пушнину.

Помня о «голодовочной диете» колымчан в зимние месяцы и о недостатке у них хлеба в течение всего года, Черский предлагал открыть запасные рыбные магазины и снабжать население казенным хлебом. В этой стране вечной мерзлоты он мечтал о развитии земледелия и о новых кратчайших путях сообщения, благодаря которым этот далекий край будет надежно связан со всей страной.

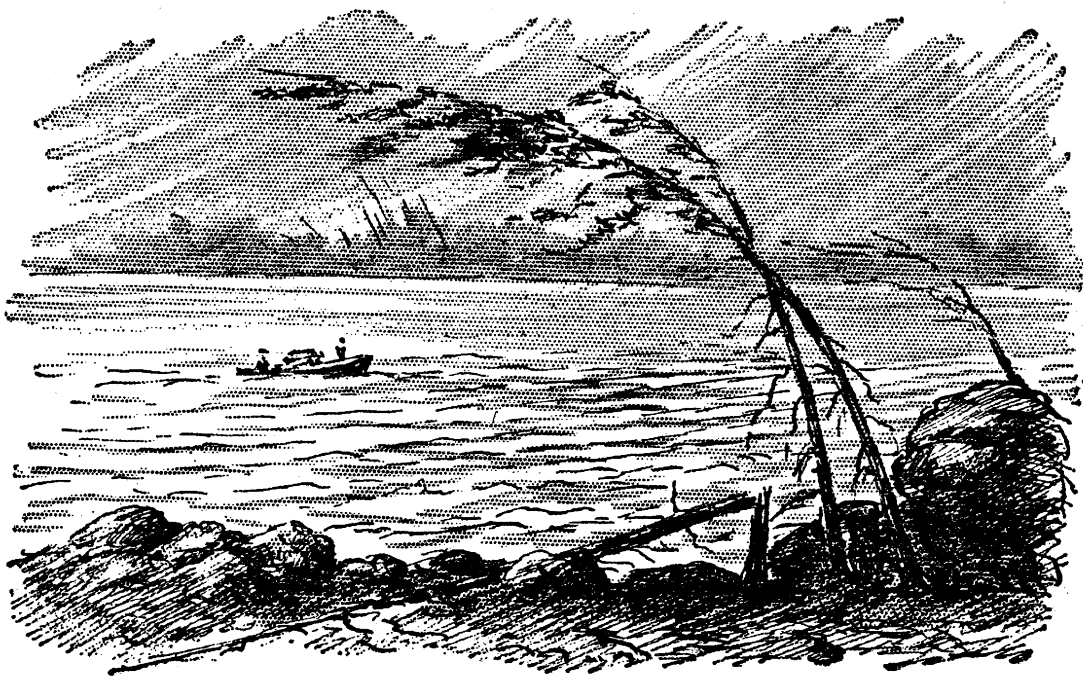
Прошли десятилетия, и Мавре Павловне Черской довелось увидеть, как в наши дни не только сбылись, но и были неизмеримо превзойдены мечты Ивана Дементьевича Черского.

Великая Октябрьская социалистическая революция, преобразуя всю страну, сделала неузнаваемыми и отдаленные окраины. По Колыме пошли пассажирские и грузовые суда, на ее берегах выросли города и речные порты. Коллективизированные рыболовецкие хозяйства и пушной промысел стали обеспечивать населению зажиточное существование. С каждым годом все успешнее развивается огородничество и земледелие. Снабжение всевозможными привозными товарами и орудиями производства проводится не только наземными и водными путями, но и авиатранспортом. Неграмотность в Якутии полностью ликвидирована — теперешние Анисимы Слепцовы могут получать высшее образование в учебных заведениях Якутска, Хабаровска, Москвы.

На страницах современных газет и журналов, наряду с представителями других народностей, помещаются фотографии знатных якутов, в просторных кабинах пассажирских самолетов встречаются пути и знатного забойщика угольных шахт, и заслуженной артистки Якутской АССР, и руководителя детской художественной самодеятельности Якутии, направляющегося на смотр в Москву с талантливыми юными якутами.

То светлое будущее, в которое твердо верили Черские, стало для освобожденных народов бывшей царской России замечательным настоящим — путеводной звездой для всех угнетенных народов мира. Когда негры Африки жадно расспрашивают современную путешественницу Эсленд Робсон* о бывших отсталых народностях России, она рассказывает им и о людях далекого Севера, о том, что «бывшие кочевники — якуты стали теперь индустриальным народом, пользующимся всеми правами граждан советского общества наравне с другими народами СССР». ²⁶

* Жена знаменитого певца и общественного деятеля, активного борца за мир и демократию, Поля Робсона.

IV

Ближе к весне Иван Дементьевич почувствовал себя совсем плохо — последствия трудной зимовки сказались как-то сразу. В глухом поселке для больного невозможно было доставать в нужном количестве даже наперстянку (лекарство, в которое Черский особенно верил). Действительное состояние своего здоровья он до самого отъезда из Верхне-Колымска искусно скрывал от Мавры Павловны и от своих далеких друзей, которые, радуясь бодрому тону его интереснейших отчетов, начинали верить в благоприятный исход вызывавшей столько опасений экспедиции.

Предчувствуя свою близкую смерть, Черский был обуравем лихорадочной жаждой деятельности — ему хотелось успеть обработать все собранные им материалы.

Не оставляло его и беспокойство о дальнейшей судьбе экспедиции, на которую Академией «истрачена такая масса денег».

«В случае моей смерти,— писал Черский в завещании,— где бы она меня ни застала, экспедиция под управлением моей жены Мавры Павловны Черской должна все-таки ныне летом непременно доплыть до Нижне-Колымска, занимаясь главным образом зоологическими и бота-

ническими сборами и разрешением тех из геологических вопросов, которые доступны моей жене. Иначе, т. е. если экспедиция 1892 года не состоялась бы в случае моей смерти, Академия должна потерпеть крупные денежные убытки и ущерб в научных результатах, а на меня, вернее на мое имя, до сих пор еще ничем не запятнанное, ложится вся тягость неудачи. Только после возвращения экспедиции обратно в Средне-Колымск, она должна считаться оконченной; только тогда должна последовать сдача остатков экспедиционной суммы и экспедиционного имущества». ²⁷

Полно трагизма письмо, повествующее о предсмертных распоряжениях Черского. Это письмо уже после смерти ученого было написано колымским священником Вас. Сучковским и отправлено Академии наук. «Я сделал распоряжение... чтобы экспедиция не прерывалась до Нижне-Колымска, — говорил Черский Сучковскому, — даже в том случае, когда настанут мои последние минуты, и чтобы меня все тащили вперед, даже в тот момент, когда я буду отходить. Я радуюсь тому, что успел познакомиться жену с целью моих исследований и подготовить ее настолько, чтобы она сама могла после моей смерти закончить экспедицию до Нижне-Колымска». ²⁸

В день отплытия из Верхне-Колымска Черский просил Сучковского позаботиться о сыне: «Я таю скорей, чем свеча, — говорил он, — и боюсь, что мне уже не осталось времени подготовить жену к роковому часу. Выдержат ли ее нервы? ...вот что больше всего меня беспокоит. Дайте мне слово, что когда не будет у Саши и матери, вы сами его отправите в Якутск, под вашим присмотром, а оттуда и далее, хотя бы для этого вам пришлось переехать в Средне-Колымск». ²⁹

Все свои распоряжения Иван Дементьевич делал, конечно, втайне от жены.

Черский и перед смертью не забывал о тяжелой участи коренных жителей края. «Я был поражен спокойствием человека, уверенного в близкой смерти, и готовностью встретить ее, — писал Сучковский, — его способностью интересоваться на краю могилы жизнью людей, с которыми так или иначе сталкивался, живя в Верхне-Колымске, интересоваться каждой мелочью, так или иначе относящейся к предмету его исследований, его спо-

способностью переходить от разговора о близкой и неминуемой смерти к разговору о том, как несчастные инородцы (мы говорили о якутах и ламутах) страдают от всевозможного рода и вида кулаков значительно больше, чем от суровых условий страны. Он не только говорил об этом, но и переживал каждое слово, что заставило меня прекратить этот разговор, так как при повышенном пульсе и увеличенной температуре я считал для него очень вредным всякое волнение». ³⁰

31 мая 1892 года, когда вешние воды спали настолько, что берега сделались доступными для исследований, Черский был перенесен в лодку. Предотъездная суэта, отвлекавшая внимание Черской, кончилась.

Находясь лицом к лицу с умирающим мужем, Мавра Павловна не могла уже тешить себя никакими надеждами. Черский умирал... Полноводная Колыма могуче катила свои отдохнувшие во время зимней спячки воды. Среди оживающей прибрежной зелени под лучами долгожданного солнца плыл юкагирский карбас. Просто и буднично звучали голоса, передающие наблюдения, сосредоточенно работали жена и сын умирающего ученого, да и он сам до последней минуты не покидал своего наблюдательного пункта на носу лодки.

Почти не прерывая своих исследований, Мавра Павловна успевала ухаживать за больным. Когда же она отправлялась для осмотра обнажений на берег, ее обязанности переходили к сыну.

Регулярные записи в путевом дневнике начались с первого же дня путешествия. В начале дневной записи Черский обычно отмечал после знака = показания барометра и термометра; тщательно записывались с точностью до минуты как время выезда, так и все остановки в пути, а также азимут (направление) реки на данном участке.

«Июня 1-го — В $8^h 40'$ на N; $8^h 53' = N_{30}$ E. В $8^h 55'$ пристали ночевать к острову Пяткову; река = $739,7 + 13^\circ$, — записывал Черский со слов жены. — О Пяткове существует легенда. Лет более сотни, казак этот жил с семейством на названном острове, считался колдуном за удачный промысел (лисиц ловил пастями на крыше своего дома и силы был неимоверной). Однажды, возвратившись домой, сын его застал семейство свое мертвым, при-

чем около них управлялся еще злой дух впотьмах. Молодой Пятков, будто не заметив несчастья, вышел из избы, жалуясь, что все спят и некому даже помочь ему выпрячь его собак (дело было зимой), а сам сел в нарту и погнал прямо в Верхне-Колымск. Злой дух, сообразив побег, догнал его, однако, в некотором отдалении на подъеме на Селябыт, вырвал у него сердце и сказал: оповестуй всем, что видел, и скажи, что тебе осталось только три дня жизни. Таким образом, спустя три дня, умер и последний Пятков. Их именем называется ныне как остров, так и рукав Колымы, причем, понятно, местность эту суеверные боятся, причем говорили, что там уцелели еще и постройки Пяткова. Запасшись якутом, знавшим этот остров, моя жена ходила осматривать заколдованное жилище *. Оказалось, что оно действительно существует, хотя и в виде развалин, густо обросших уже лесом, так что кусты и деревца (листвень более сажени) выросли уже и внутри дома. Постройка состоит из дома и связанного с ним двухэтажного амбара, все в русском вкусе. Длина дома $6\frac{1}{2}$ аршин, ширина $6\frac{1}{4}$ арш. с двумя маленькими окошками в $2\frac{1}{2}$ четверти ширины и $1\frac{1}{2}$ четверти высоты. Длина амбара 7 арш., ширина 5, высота дверей $1\frac{3}{4}$ арш. Около постройки заметны пни лиственниц до $\frac{3}{4}$ арш. в диаметре, теперь таких нет». ³¹

На стоянках, когда Черскому удавалось забываться кратковременным сном, Мавра Павловна отправлялась в недалекие экскурсии в поисках образцов горных пород и окаменелостей; просыпаясь, Черский методично записывал в дневник: «Июня 8-го. В известняке, около стоянки, жена нашла кораллы и т. п. (№ 60)... Поиски обнаружили немало Anthozoa (№ 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77)». ³²

До 20 июня Черский был еще в состоянии записывать сам, но 20 июня в дневнике появляется пометка Мавры Павловны: «июня 20= $727.5+8^{\circ}$. $10\frac{1}{2}^h$ отплыли. С сегодняшнего дня муж передал дневник мне, так как сам не в состоянии был вписывать наблюдения». ³³

С этого дня и до окончания экспедиции Черская с помощью сына сама вела дневник путешествия. Каждая

* Я уехал больным и совершенно слабым. — Прим. И. Д. Черского.

страничка этого дневника свидетельствует о разносторонней работе исследователя и одновременно является редкостным человеческим документом, повествующим о необыкновенной стойкости духа Мавры Черской. День за днем, минута за минутой отмечала она путь экспедиции. Записи начинались с 9—10 часов утра и продолжались до 9 часов вечера, пока карбас не приставал на ночевку.

«10^h52'. Горница, казенная поварня (станция), — начинает Черская собственные записи под датой двадцатого июня, — на правом берегу. Пристали в 11^h24'; порода № 179, отплыли 11^h29'. Пристали 11^h34'. Порода № 180; найдены 2 кости № 181—182 на правом берегу. Место это называется Тюлях-тас (Мохнатый камень). Правый берег гористый, поросший травой и лесом, кое-где есть обнажения суглинка. По левому берегу яр, вышиной в 3 сажени. Пристали 12^h27', взят образец. Отплыли 12^h43'... Проплыли маленькую речку, называемую Хара мыс уриетэ (по правой стороне), а по левой заимку Хара мыс. Остановились в 1^h55'; порода на правом берегу № 183—184. Отплыли в 2^h. Пристали в 2^h21'; порода № 185—186 (на правом берегу), место называется Белое. Отплыли в 2^h27'. В 2^h47' на правом берегу проплыли рч. Белую. Пристали 3^h4' к правому берегу; порода № 187—188. Отплыли в 3^h17'. Пристали к правому берегу в 3^h35'; порода № 189—190. Это место называется Толстухино. В 6^h55' проплыли на правом берегу речку Толстухину. Утесы за нею называются Погребтах...»³⁴

Так до часа ночевки шли точные записи виденного, и казалось, что ничто не смущает покоя сосредоточенно отдававшегося своему делу исследователя. Александр Черский, сразу повзрослевший от сознания нависшего над семьей несчастья, не зная усталости, помогал матери.

21 июня наступило резкое ухудшение в состоянии больного — сильный кашель не давал Черскому забыться сном. В дневнике за 21 июня есть лаконичная отметка: «Сегодня мужу хуже». Но и в этот день отплытие состоялось, как обычно, в 10 ч. 22 м., а в 10 ч. 33 м. уже пристали к правому берегу, где был взят образец горной породы, аккуратно записанный за № 202; в 10 ч. 37 м. карбас снова плыл по Колыме, на этот раз хмурой и неприветливой.

22 июня разыгралась сильная буря, и пришлось остаться возле урочища Кресты, у которого пристали вечером 21-го. По расспросным данным, начиная от этих мест, Колыма становилась особенно широкой, принимая в себя то слева, то справа воды бесчисленных вздувшихся от дождей маленьких речушек. Необходимо было раздобыть лоцмана. Мавра Павловна, фактически уже ставшая начальником экспедиции, на целые сутки продлила стоянку, подыскивая надежных лоцманов. Ночью Черскому стало совсем плохо. Под датой «июня 23 = 728 + 10°» в дневнике среди других записей отмечено: «Мужу хуже; силы его совсем слабеют».

Лоцманов Мавре Павловне найти удалось, и, хотя погода не улучшилась, Иван Дементьевич, верный раз принятому решению, потребовал, чтобы экспедиция двигалась вперед, — умирающему ученому хотелось успеть проплыть как можно дальше по этой, казалось теперь, такой бесконечной реке, с которой так недавно было связано столько радужных надежд.

Все дальше и дальше, под проливным дождем плыл карбас вниз по Колыме. Записи в дневнике не прерывались ни на час. На стоянках, не обращая внимания на дождь и ветер, Черская продолжала систематический осмотр обнажений и сбор образцов горных пород.

Разбушевавшаяся Колыма становилась все опаснее. Гребцы выбивались из сил. Продвижение становилось невозможным, и 23 июня впервые рабочий день пришлось закончить раньше обычного.

Наступило 24 июня. Между очередными записями в дневнике хранится единственная строчка безнадежного отчаяния: «Боюсь, доживет ли муж до завтра. Боже мой, что будет дальше...»

Весь день 24 июня Черский сильно мучился. Его худалое тело требовало покоя, но, как только он ложился, невыносимые боли заставляли его опять принимать сидячее положение. Мавра Павловна была бессильна облегчить его страдания. Стараясь не усугублять их своим горем, она призвала на помощь все свои силы, чтобы продолжать научную работу экспедиции.

И 24 июня — предпоследний день жизни Черского — был таким же обычным трудовым днем экспедиции, как и предыдущие. Быстро плыл карбас мимо береговых

обнажений, мимо устьев мелких речек, впадающих в Колыму. Нельзя было терять ни минуты, необходимо было безостановочно записывать и отмечать все виденное, — ведь потом заполнить пробелы в записях будет невозможно: как восстановить для науки название блеснувшей и скрывшейся за поворотом узенькой речки, откуда взять образец суглинка, если не будет осмотрен вот этот интересный яр?..

И Мавра Павловна снова и снова бралась за дневник, и ровные строчки описаний заполняли дальше его страницы. «Найдены кости № 225, 226, 227 и взят образец суглинка № 228. Горы от 4—7 саженей высоты с плохими обнажениями. Отплыли в 4^h40'. В 5^h5' проплыли на правом берегу рч. Кытыл уриетэ, 5^h25' проплыли на левом берегу рч. Суруктах тобеяга. В 6^h55' пристали на правом берегу к рч. Гришкиной; суглинок № 229. Отплыли в 7^h12', а 7^h45' проплыли Евсеево улово. В 8^h19' проплыли на правом берегу рч. Евсей уриетэ. Пристали на правом берегу в 8 54' к поварне Горнице, она замечательна тем, что нижнеколымские люди убили здесь белого медведя». ³⁵ Как всегда, ни на минуту раньше, карбас пристал на ночевку.

Много подвигов во имя науки знает мир. Восторженное преклонение вызывают ученые, пробуящие на себе смертельно опасные прививки, или путешественники, бредущие по безводным пустыням, пробирающиеся сквозь заросли тропических лесов, одолевающие ледовые просторы северных морей. Почетен и длинен список исследователей во всех научных областях. Среди этих имен подвижников науки по праву должно стоять имя Мавры Черской, хотя ее единственным научным трудом является этот скорбный дневник последнего путешествия Ивана Черского.

Ночью Черского душили спазмы. Как только к умирающему возвращался дар речи, он принимался подробно наставлять сына, как ему быть, если он лишится и матери. Сознание, что пропадет для науки труд, которому принесена в жертву жизнь, отравляло последние минуты ученого. Горячо любя своего единственного сына, он скорбел и о его судьбе, представляя себе весь ужас одиночества, которое внезапно обрушится на мальчика среди чужих людей и неприветливой природы.

Настало утро 25 июня. В дневнике запись: «Всю ночь муж не мог уснуть; его мучили сильные спазмы», а затем следуют подробные описания виденного и собранного за этот день. За этими ровными неторопливыми строчками скрывается безысходное отчаяние сильной духом женщины, не дающей себе права предаться горю. Предсмертная агония Черского началась уже с рассвета 25 июня. Измученный бессонницей, он попытался есть, надеясь, что после еды его станет клонить ко сну. Когда и эта надежда угасла, он сказал: «Нет, ничего не помогает, видно, сегодня мой час настал». А карбас все плыл по Колыме, и в дневник точно заносились описания берегов.

«В 11^h54' на левом берегу проплыли рч. Кривую. В 12^h дня у мужа сделалась сильная одышка. Пристать к берегу нельзя, потому что крутые яры. Муж указал рукою на шею, чтобы прикладывать холодные компрессы. Через несколько минут одышка уменьшилась и сейчас же пошла кровь из носу». ³⁶

Хлынувшая из носу кровь застревала у больного в горле твердыми сгустками. Мавра Павловна пинцетом вытаскивала эти сгустки, и сам умирающий помогал ей. И только тогда, когда не могло оставаться ни малейшей надежды на спасение, Черский решился сказать своей неразлучной спутнице: «Подготовься, Маша, к страшному удару — и будь мужественна в несчастье!» Настолько твердо держалась эта замечательная женщина, что Черский верил в ее счастливое неведение, верил, что она его смертельные страдания считает лишь обострением обычного тяжкого недуга. Заботясь об оставляемой жене-друге, Черский учил окружающих, какие лекарства давать Мавре Павловне, если ей станет плохо.

Тусклое небо нависало над рекой. Группа участников экспедиции казалась никому не нужной кучкой людей, заброшенных на край света. Наконец, берега стали более пологими, и можно было снести умирающего на сушу...

Когда настали последние минуты Черского, Мавра Павловна почувствовала, что и ее силы подходят к концу, — 25 дней нечеловеческих усилий не могли пройти даром. Стараясь ничего не забыть, она объясняла сыну, как ему поступить со всеми бумагами и коллекциями отца, как добраться до Петербурга, где товарищи отца помогут ему... «За 3—5 минут до смерти, — сообщается в

письме Сучковского,— Иван Дементьевич сидел, опустив голову на руки, и о чем-то, кажется, думал. Но услышав разговор жены с сыном, разговор о том, как сын должен поступить со всеми оставшимися после Ивана Дементьевича бумагами в случае, если она (жена Ив. Дем.) не выживет после его смерти, поднял голову и стал прислушиваться к этому разговору, а когда разговор был окончен, произнес, обращаясь к сыну: «Саша, слушай, и исполняй!» и с этими словами умер». ³⁷

«Пристали в 3^h30' к речке Прорве. Муж умирает. Он скончался в 10^h10' вечера»,— гласит последняя запись в дневнике за 25 июня.

Разразившаяся ночью буря не прекратилась и к утру. Тело Черского было заботливо укрыто корой деревьев. Весь день 26 июня бушевала непогода. Дождь сменялся снегом, волнение на реке было настолько сильным, что нельзя было и думать о дальнейшем плавании. В своей автобиографии, написанной много лет спустя по просьбе Комиссии по изучению Якутской АССР, Мавра Павловна рассказывает об этих тяжелых днях:

«Смерть мужа наступила в то время, когда экспедиция, передвигаясь на лодках по реке Колыме, очутилась среди пустынных низменных берегов. Часто господствующие в тех местах бури срывают в верховьях реки Колымы деревья и поднимают значительное волнение на реке. Такая буря заставила меня сделать распоряжение свернуть в приток Колымы, речку Прорву, где экспедиция в течение 4 суток выжидала, пока прекратится буря». ³⁸

Ответственность за людей, среди которых находился и ее родной сын, ответственность перед памятью мужа за сохранность результатов всех его трудов заставили Мавру Павловну выполнить завет ученого — продолжить и закончить экспедицию по Колыме. Черский не ошибся, избрав себе в подруги эту стойкую женщину, для которой чувство долга перед родиной и наукой было главным в жизни.

Запись в дневнике за 26 июня гласит: «июня 26 = 728,3. Стоим вследствие сильного волнения на реке. Ширина ее здесь 1½ версты. Мужа поклали в пустую лодку и прикрыли его корою. Дождь, температура воздуха = +5°. Июня 27. Стоим из-за волнения. Ночью снег. Температура в 12^h = +2°». ³⁹

Останки Ивана Дементьевича Черского все еще не были преданы земле. Мавра Павловна никак не могла себя заставить похоронить мужа на безлюдном, пустынном берегу.

Наконец, 28 июня немного прояснело. Поставив на месте кончины Черского большой деревянный крест, руководимая М. П. Черской экспедиция двинулась к Нижне-Колымску. Бережно вели якуты карбас, где лежал мертвый начальник, так искренне и горячо желавший помочь им в тяжелой их доле.

В своей автобиографии Мавра Павловна рассказывает: «Мне хотелось похоронить мужа вблизи какого-нибудь селения... Вблизи урочища Омолонье* экспедиция остановилась. Из бревна, принесенного течением, наскоро сооружено было некоторое подобие гроба, куда были положены останки покойного мужа. Затем стали рыть могилу, но на глубине $\frac{1}{2}$ аршина земля оказалась настолько мерзлой, что лопаты пришлось отбросить и рыть могилу исключительно при помощи топора». ⁴⁰

Вечномерзлая земля, которую Черский мечтал видеть в цвету, долго не поддавалась ни лопате, ни топору, как бы не желая принимать в свое лоно того, кто так верил во всепобеждающую силу жизни.

Трое суток провела Мавра Павловна в заимке Колымской. Трое суток тело Ивана Черского лежало в маленькой часовне. Немногочисленные жители окружили заботой и вниманием вдову и сына покойного.

В своем дневнике Мавра Павловна описывает жителей этого селения, ставшего последним пристанищем путешественника Черского: «Жители здесь оседлые юкагиры, они совершенно обруселые, живут по-русски; все православные. По-юкагирски говорят из 19 человек двое; постройки их русские. Одеваются по-русски, очень религиозные; кроме собак, никакого скота не имеют; питаются рыбой. Муку они называют провиантом. Народ очень добрый, приветливый; они весьма сочувственно отнеслись к моему несчастью». ⁴¹

1 июля в 4 часа дня состоялись похороны Ивана Дементьевича Черского. Первую скромную ограду вокруг

* Этот поселок теперь называют заимка Колымская. Он расположен на левом берегу Колымы против устья р. Омолон. — *Прим. ред.*

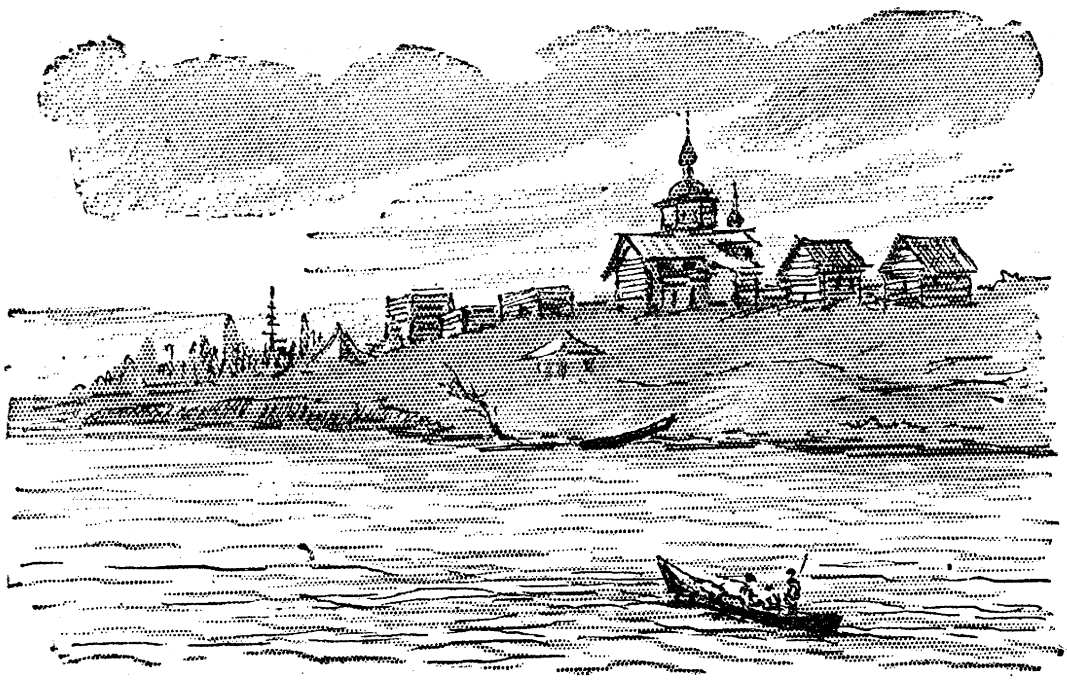
могилы отца возвел Александр Черский, с недетской твердостью подавлявший свою скорбь, поддерживая мать в ее неутешном горе.

Тяжело было Мавре Павловне покинуть место погребения мужа, но она считала себя не в праве задерживаться здесь дольше — ведь уходили последние дни короткого северного лета; поручив одному из местных жителей обнести могилу мужа прочной оградой, Черская двинулась дальше, к последнему пункту маршрута — в Нижне-Колымск.

Однообразные невысокие берега окаймляли Колыму в ее нижнем течении. Медленно плыл карбас мимо унылых берегов, удаляясь от места погребения Черского... Вот и скрылось за прибрежным лесом урочище Омолонье... а река все текла в тоскливых низменных берегах, и казалось, ей не будет конца...

Омолонский житель выполнил свое обещание. Впоследствии ссыльный Тан-Богораз привез семье Черского фотографию воздвигнутой ограды.

Ныне над могилой Черского стоит монументальный памятник-обелиск с надписью: «Выдающемуся исследователю Сибири и Колымы, Индигирки и Яны, геологу и географу Ивану Дементьевичу Черскому (1845—1892 гг.) от благодарных потомков».

V

Со 2 июля работы экспедиции возобновились. Погода все так же мало благоприятствовала плаванию — частые бури мешали исследованиям. В этом году лето оказалось исключительно коротким и дождливым, но Мавра Павловна старалась неукоснительно выполнять все указания Черского по ведению дневников и по коллектированию, ведя также и фольклорные записи, которым Иван Деметьевич придавал большое значение.

«Июля 2 = $720,8 + 18^\circ$. Отплыли в $1^h 55'$. Вода сильно прибыла, — отмечает Черская первый день своего самостоятельного плавания, — берега здесь пошли низкие, поросшие травой и мелким кустарником тальника. На правом и на левом берегах вдали виднеется лиственничный лес. В $3^h 4'$ пристали на правом берегу. Название места — Чипишок. Суглинок № 246. Отплыли в $3^h 31'$. В $4^h 4'$ на левом берегу проплыли остров Казачий. В $5^h 4'$ пристали на правом берегу обедать к заимке Мыс. На левом берегу — караулка для оленей. Жители их здесь убивают, когда олени целыми табунами переплывают реку с правого берега на левый (с каменной стороны, на тундру). Переправа на тундру оленей — в конце мая. Низкий и

песчаный яр приблизительно в 2 сажени. Порода № 247. Отплыли в 6^h48'. Сильный дождь с громом. В 8^h36' остановились ночевать на левом берегу. Название места Дуванное. Из построек здесь есть одна поварня и два амбара. Живут здесь 2 юкагирских семейства. Занимаются здесь они рыбной ловлею; весною убивают оленей. Один из них считается очень храбрым *, так как на своем веку он убил несколько медведей. Несмотря на то, что медведей здесь большое количество, якуты их не убивают и приписывают им что-то сверхъестественное. Говорят, что если его не шевелить, тогда он ходит у них с лошадьми и коровами и не трогает их, а в противном случае он мстит, ломает амбары, съедает юколу (вяленая рыба), рвет одежду. И действительно, здесь медведи настолько деликатны и вежливы, что даже старики не помнят случая нападения не только на человека, но и на скотину». ⁴²

Суеверный страх колымчанина перед разбушевавшейся стихией не кажется таким удивительным, как неизменное мужество и выдержка осиротевшей женщины, впервые в жизни оказавшейся на посту начальника экспедиции, ее распорядительность и ее умение коротко и выразительно записывать виденное.

День за днем скользил карбас мимо высоких яров, в мерзлой почве которых все чаще попадались толстые линзы и жилы льда. Близился конечный пункт маршрута.

Вечером 4 июля карбас обогнул большой остров и по правому берегу на горизонте показались Анюйские горы. Ночевать путники пристали к маленькому населенному пункту — «Жительству Ермолу», состоявшему из девяти домов, в которых жили казаки и пятеро ссыльных поселенцев. Рано утром 5 июля экспедиция прибыла в Нижне-Колымск.

«В 6^h31' приплыли к левому берегу в Нижне-Колымск, — записано в дневнике, — на правом берегу — устье р. Анюя; он впадает двумя рукавами в р. Колыму. Нижне-Колымск расположен в 30 саж. от берега на низком ровном месте. Кругом него — озера и болота. В нем

* Но на воде этот юкагир не такой храбрый, как с медведями. Он был назначен в лоцманы; нас захватила буря, но он так растерялся, что не мог править рулем, в лодке же нашей нет сообщения с кормою, так как посредине стоит будка, нам грозила серьезная опасность, но дело кончилось благополучно. — *Прим. Черской.*

две церкви, одна из них старая, в которой не служат; домов здесь около 20, внешний вид этих лачуг ужасный: все они без крыш, с почерневшими стенами. На месте стекол зияет налимья кожа, бумага или грязный коленкор. Из постоянных жителей: два миссионера, один священник, частный командир и семейства 2—3 обывателей. Остальные жители каждое лето кочуют, т. е. уезжают по заимкам на рыбный промысел. Население состоит из русских, якутов и нескольких ссыльных поселенцев». ⁴³

Мавра Павловна предполагала немедленно отправиться в обратный путь, но силы ей изменили, и она серьезно заболела. Саша Черский преданно ухаживал за больной матерью. Большую помощь осиротевшей семье оказал казак Степан Расторгуев, сердечно отнесшийся к вдове и сыну умершего ученого.

Тяжелое состояние больной усугублялось неприглядной окружающей обстановкой и непрерывными дождями. Необходимо было напрячь все силы, чтобы добраться до более благоустроенного селения и там уж ждать зимней дороги. Неотвязно преследовали Черскую мысли о смерти и горькое сознание, что все принесенные жертвы окажутся все-таки напрасными.

Дожди не прекращались двадцать дней. «Я чувствовала себя всю дорогу плохо,— записала Мавра Павловна в дневник почти сразу по приезде,— а приехав сюда, я еще более ослабела. Денег наличных казенных 2 400 руб. Жалованья мужа за 1891 г. 1 400 руб. Отмечаю количество денег, так как здоровье мое сильно расшаталось». ⁴⁴ Начиная с 6 июля, в дневнике Черской стоят пометки: «Дождь... дождь... стоим из-за нездоровья моего... дождь... дождь...» Мавра Павловна упорно боролась с болезнью, и как только кончились дожди, несмотря на еще продолжавшееся недомогание, двинулась в обратный путь по Колыме.

«Из Нижне-Колымска,— пишет Черская,— экспедиция повернула по моему распоряжению назад, к Средне-Колымску, так как я боялась быть застигнутой ранней зимой в этой дикой местности, тем более, что обратный путь на веслах должен быть более продолжительным, так как в Средне-Колымск нужно было плыть против течения реки Колымы». ⁴⁵

Хотя экспедиция считалась законченной, Мавра Павловна, несмотря на самую неблагоприятную погоду, продолжала сбор коллекций. Она не могла забыть постоянного стремления Черского оправдать доверие Академии наук, оправдать надежды ученых, с нетерпением ожидавших результатов этого путешествия по неизведанным горам и рекам северо-востока Азии.

Одна из последних записей касается прохождения карбаса мимо устья реки Омолон, впадающей в Колыму справа против поселка, где был похоронен Черский... «Июля 30. Устье Омолона, правый берег. В яру плохие остатки раковин № 226». В дневнике нет записи о посещении вдовой и сыном Черского его могилы. Только запись: «плохие остатки раковин» свидетельствует о том, что Мавра Павловна на обратном пути несомненно посетила могилу Черского и достойно почтила его память ценной для науки находкой*.

Двигаясь вверх по Колыме, шли уже знакомыми местами. Начались сильные снегопады, и карбас с трудом приближался к Средне-Колымску.

В пятнадцати верстах от города путешественники были задержаны сильной метелью. Мавра Павловна отметила, что снежный покров был толщиной до 7 вершков. Буран продолжался целые сутки, и измученным путникам приходилось его пережидать.

16 августа экспедиция прибыла в Средне-Колымск. Путь, намеченный Черским, был пройден. Последняя запись в путевом дневнике гласит: «Вообще вследствие необыкновенного и в здешних местах дождливого и холодного лета и необыкновенно продолжительного разлива реки коллекция собрана неудачно». После всех героических усилий, потраченных семьей путешественников после того, как трагически погиб на своем посту глава экспедиции, — этот вывод как нельзя лучше характеризует высокий нравственный облик подвижницы науки Мавры Черской.

* Руководствуясь этой записью М. Черской, в 1930 г. С. В. Обручев собрал в этом яру коллекцию раковин, в которой оказались формы, очень важные для установления возраста отложений и связи четвертичной фауны Сибири и Аляски.

VI

Весть о смерти Черского, дойдя до Иркутска, быстро распространилась по всей России.

Широкий отклик получило и сообщение о бедственном положении семьи Черского: «Подруга великого труженика осталась с малолетним сыном, по всей вероятности, без куска хлеба,— читаем мы в одном из некрологов,— так как скромный гонорар мужа едва ли, за все пребывание в Иркутске, превышал 600 р. в год... Мир праху необыкновенного, самоотверженного мученика науки! Да послужит его жизнь примером для будущих деятелей! Ведь только такими людьми и движется вперед наука, еще не завоевавшая прав на почетное место в государственных бюджетах». ⁴⁶

Со всех концов страны стали поступать пожертвования в пользу семьи Черского. Иркутская газета «Восточное обозрение» периодически помещала отчеты о получаемых суммах. По этим отчетам можно судить, что помогали Черским главным образом малообеспеченные слои населения, присылавшие свои трудовые рубли. «Получено в пользу М. П. Черской от неизвестного 6 руб., получено от неизвестного 1 руб., от статистического бюро

11 руб.» — такие сообщения появлялись в отделе хроники «Восточного обозрения» за 1892 год.

Целый месяц пришлось вдове и сыну Черского пробыть в Средне-Колымске, и только в конце сентября по первопутку экспедиция со всеми грузами двинулась в Якутск.

«Далее экспедиция передвигалась на обывательских собаках», — начинает Черская свое описание санного пути, — такое передвижение считается на севере самым быстрым и удобным. Состоит этот способ в следующем: в длинные, узкие сани, называемые нартами, впрягается до 4—6 пар собак, которые в другое время употребляются как ищейки в промысловой охоте. Впереди впряженных попарно собак отдельно впрягается собака-вожак, более опытная, которая предварительно дрессируется для направления остальных по должному пути». ⁴⁷

Восстанавливая через 35 лет в своей памяти самостоятельное обратное путешествие по просторам Якутского края, Мавра Павловна, так же как в своем путевом дневнике, не останавливается на личных переживаниях. Даже о серьезной болезни сына Черская не сообщает ни слова. «Иногда приходилось экспедиции, — пишет она, — ночевать и просто под открытым небом при сильном морозе. В таких случаях приходилось вырывать пещеру в снегу, влезать внутрь мехового мешка, сделанного из оленьего меха и закрывающегося при помощи завязок у головы, и таким образом укрываться от невыносимого холода». ⁴⁸

Две недели продолжалась утомительная езда на собаках от одной станции до другой; причем станции были расположены на самых различных расстояниях друг от друга, так что иногда переход составлял всего 30—50 верст, а иногда 100 и 150. Чтобы немного отдохнуть, участники экспедиции пытались пользоваться станционными постройками, но холод и дым обычно выгоняли путников обратно на свежий воздух, где они и устраивались на ночлег под открытым небом.

«Чум представляет шалаш из сложенных конусообразно жердей, — описывает Черская тогдашние почтовые станции в Якутии, — жерди обтягиваются кожей, вверху проделывается отверстие для выхода дыма. Двери заменяют два отверстия, проделанные в двух противоположных концах чума. Для обогрева внутренней чума

раскладывается небольшой костер, на который накладывается длинное бревно с выступающими из обеих дверей концами, которые по мере сгорания бревна подталкиваются к горящему месту. Дым, невыносимый холод, сквозняки господствуют при таких условиях в чуме». ⁴⁹

Зимой эта страна болот и озер превращалась в бескрайние заснеженные просторы, ничем не напоминавшие ландшафты, которые Черские видели в начале экспедиции. Верная навыкам, привитым ей Черским, Мавра Павловна тщательно записывала и количество верст, разделявших станции, и кубатуру якутских строений, не забывая отмечать тяжелые условия, в которых жило местное население.

В пути не обошлось без задержек. На одной из станций путникам пришлось провести трое суток в ожидании отставшей «почты», с которой следовала кладь экспедиции. Во время этой вынужденной остановки ямщики якуты занимали Черскую рассказами из своей жизни, иногда несколько фантастическими: «В 1891 году в декабре месяце,— записывала Мавра Павловна со слов якута,— проходил здесь караван с купеческой кладью. В ущелье реки один из ямщиков провалился в воду, и когда его вытащили, оказалось, что он уже окоченел от холода. Караван находился, к несчастью, в безлесной местности, и не было, поэтому, возможности развести костер, чтобы обогреть закооченевшего ямщика. Тогда якуты убили лошадь, вынули из нее внутренности и положили вместо них окоченевшего, чем отогрели его и спасли от смерти».

«О замечательной находчивости [местных жителей] можно судить еще и по другому рассказу,— продолжает Черская свои записи.— Когда один из якутов заблудился в тундре, он, после тщетных поисков верной дороги в течение нескольких дней, обессилен и упал. Слабость его была столь велика, что он еле слышным голосом едва отпугивал песцов, которые собирались к нему стаями и обнюхивали как добычу. В это время проезжал какой-то ламут, он нашел обессиленного и оказал ему поддержку тем, что, отломав у оленя один рог, напоил умирающего якута теплой оленьей кровью. К вечеру якут настолько окреп, что мог двигаться и следовать за ламутом, выводившим его на верную дорогу». ⁵⁰

Почта с кладью благополучно догнала экспедицию. Миновав станции Эбельскую и Олер-Сюбит, экспедиция уже на оленях приблизилась, наконец, к Верхоянскому хребту, который предстояло перевалить после станций Тостах и Адыча. Наступал самый тяжелый этап пути: «Представьте себе,— пишет Черская,— пологий подъем в 5 верст, затем отвесную крутую стену, заканчивающуюся узенькой, не более сажени в ширину, площадкой. Когда взберешься на эту площадку, то зрителю представится страшный обрыв, спуск с которого кажется невероятным, ибо этот обрыв представляет собой почти отвесную стену в 15 саж. высоты. Этот обрыв заканчивается также узенькой площадкой, за которой продолжается крутой спуск в 3 версты».

«Чтобы спуститься с такой горы, экспедиции пришлось связать нарты по 3, по 4. Со всех сторон эти нарты были привязаны к оленям. При спуске олени, садясь на задние ноги, упираясь передними и тормозя движение нарт, медленно передвигались в головокружительную пропасть. Чтобы еще более затормозить движение нарт, ямщики, лежа или на спине или на боку, направляют нарты по должному пути. Наблюдателю с вершины горы кажется, будто люди, нарты и олени мчатся в бездонную пропасть, так как поворот дороги и выступ горы не дают возможности видеть площадок и дна ущелья. При таком спуске, естественно, не обходится без ушибов рук и ног тормозящих нарт ямщиков».⁵¹

25 декабря экспедиция из страны горных хребтов перешла в долину Алдана, а затем на плато между Алданом и Леной. Изменились и почтовые станции — это были уже не чумы, а поварни. Впервые приблизившись к такому деревянному строению, напоминающему обычный сруб, путники мечтали, что здесь их ожидает хотя бы длинная скамья, на которой можно отдохнуть. «Но когда мы вошли в эту поварню, — вспоминала впоследствии Черская, — то всех охватило разочарование. Через узкое отверстие, заменяющее собой дверь, пришлось каждому не входить, а вползать. Внутри поварни — удушливый дым и смрад; посидев $\frac{1}{2}$ часа, невольно рвешься на свежий воздух. Вместо окон — дыры со вставленным в них льдом, кругом щели, сквозняки, невероятный холод».⁵²

В пути истощились почти все запасы провизии, так как переезд сильно затянулся. В особенно тяжелых условиях очутились участники экспедиции на станции Бета-Кельской. Оленей для смены не было, и достать какие-нибудь продукты в захолустном поселении было невозможно.

Вместе с экспедицией на станции оказались две тяжело больные якутки. Оказать им медицинскую помощь было некому, и Мавра Павловна принялась за их лечение.

Благодарные женщины поделились с ней запасами провизии, и участники экспедиции смогли продержаться до прибытия оленей.

Черские приехали в Якутск в начале января и после трехнедельного отдыха направились дальше, в родной Иркутск, где их тепло встретили сотрудники Географического общества. Правитель дел общества, ссыльный Д. Клеменц, вручил Мавре Павловне деньги, собранные благодаря пожертвованиям. Эти деньги вполне могли обеспечить семью Черских хотя бы на первое время. Но Мавра Павловна попросила передать собранные деньги в пользу учащейся молодежи. Никакие уговоры друзей не смогли поколебать ее решения — слишком много пришлось ей самой выстрадать из-за отсутствия в юности средств на образование. За свою дальнейшую судьбу и судьбу сына она была спокойна, уверенная, что Академия наук позаботится о семье погибшего путешественника.

Оставаться в Иркутске Мавре Павловне было особенно тяжело, да и для будущего сына Петербург представлял более широкие возможности.

Дела экспедиции Черская сдала геологу-исследователю Толлю, прибывшему в Иркутск для того, чтобы отсюда отправиться в экспедицию на Яну и Ново-Сибирские острова. На проезд до Петербурга Толль передал Черской от Академии наук 500 рублей.

* * *

*

Как только осиротевшая семья прибыла в Петербург, товарищи Черского взяли на себя добровольную опеку над вдовой и сыном ученого.

Они долго не могли решить, какое образование дать Александру Черскому. Привезенные им этюды изобли-

чали незаурядное дарование. Профессора Академии художеств, просматривая наброски мальчика,— виды тундры и тайги, живописные берега рек и зарисовки костей вымерших животных,— пророчили Александру Черскому будущность художника. Но Саша сумел убедить своих опекунов, что ему ближе и дороже призвание путешественника-натуралиста. Мавра Павловна горячо поддержала в сыне желание идти по стопам отца.

Неизменное участие в судьбе Черских принимал П. П. Семенов, и если Мавра Павловна долго не давала о себе знать, П. П. Семенов приглашал ее к себе*.

Однако пенсию семье Черского удалось выхлопотать настолько скромную, что прожить на нее вдвоем в Петербурге оказалось невозможным, и Мавре Павловне пришлось расстаться с сыном. Поселив его у одного из преподавателей гимназии, Мавра Павловна уехала в Витебскую губернию, где жили родственники И. Д. Черского.

Александр Черский блестяще кончил гимназию, а затем и университет по факультету физико-математических наук. Как стипендиату Академии наук, ему предстояла интересная научная работа при университете, но верный юношеским мечтам, он решил посвятить свою жизнь путешествиям и изучению фауны отдаленных местностей России.

В годы учения Александр Черский видался с матерью только во время каникул или ее редких наездов в Петербург. Вся дальнейшая жизнь Мавры Павловны после смерти мужа давала ей очень мало морального удовлетворения. Вдали от сына, вдали от научной работы она была обречена тогдашней действительностью на серенькое прозябание, скрашенное лишь воспоминаниями о прошлом и известиями о прекрасных успехах сына.

Даже в глубокой старости Черская продолжала страдать от сознания, что ей пришлось расстаться с научной работой. «Я очень сожалею,— писала она,— что смерть

* Одно из писем с таким приглашением сохранилось в личном архиве Черских: «Милостивая государыня Марфа Павловна, — писал секретарь Семенова, — Петр Петрович Семенов поручил мне просить Вас зайти к нему при случае как-нибудь утром до 12. От себя прибавлю, что вторники и пятницы — дни для Петра Петровича неудобные и для того, чтобы наверное застать Петра Петровича в другие дни, вернее пожаловать часов около 10».

мужа не дала мне возможности к дальнейшим научным исследованиям».

Закончив университет, Александр Черский уехал на Дальний Восток изучать фауну Приморья. Женился Александр Иванович на девушке, также преданно отдававшей свои силы научной работе. Мария Николаевна Черская исходила с мужем дремучие дебри Уссурийской тайги, и сопки Приморья, и просторы Приамурья, участвовала во всех его трудах и путешествиях, кроме последней экспедиции на Командорские острова.

Александр Черский специализировался в ихтиологии. Академик Л. С. Берг, знавший его лично, писал: «Александр Иванович Черский... был талантливым натуралистом и путешественником... им собраны весьма ценные коллекции рыб, которые обработаны мною, причем одна, вновь открывая А. И. Черским, рыба названа мною в его честь» (*Cottus czerskii* Berg).⁵³

Преждевременная смерть оборвала деятельность молодого ученого. В расцвете лет он трагически погиб во время своих исследований на Командорских островах.

Мавра Павловна Черская прожила долгую жизнь, полную тяжелых утрат, и только на закате своей жизни она дождалась светлых для нее дней, когда открытые во время памятного Колымского путешествия горные цепи стали именоваться хребтом Черского и когда Комиссия по изучению Якутской АССР бережно извлекла все записи энтузиаста-исследователя старой Якутии и в своих трудах воздала должное заслугам супругов Черских, чьи имена в памяти благодарного потомства живут всегда неразрывно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского Географического общества, 1896, ч. 2, стр. 624.
2. Загоскин Мих. Иван Дементьевич Черский. «Восточное обозрение», 1892, № 39.
3. Литературное наследство, 41—42, А. И. Герцен, II, 1941, стр. 148.
4. Ядринцев Н. М. Памяти И. Д. Черского. «Русские ведомости», 1892, № 248.
5. Обручев В. А. Иван Дементьевич Черский (некролог), «Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества», 1892, т. 23, № 3.
6. Черский И. Д. Сведения об экспедиции Академии наук для исследования рр. Колымы, Индигирки и Яны. II. Пребывание в Верхне-Колымске зимой 1891/92 г., «Записки Академии наук», 1893, т. 71, приложение 8, стр. 3—4.
7. Черский И. Д. Сведения об экспедиции Академии наук для исследования рр. Колымы, Индигирки и Яны. I. Путешествие из Якутска до Верхне-Колымска летом 1891 г., «Записки Академии наук», 1892, т. 68, приложение 3, стр. 9—10.
8. Там же, стр. 16.
9. Там же, стр. 4.
10. В. С. Поездка на Байкал. «Восточное обозрение», 1892, № 36.
11. Черский И. Д. Сведения об экспедиции... «Записки Академии наук», т. 68, приложение 3, стр. 5.
12. Обручев Сергей. В неведомых горах Якутии, 1928, стр. 242.
13. Черский И. Д. Сведения об экспедиции... «Записки Академии наук», т. 68, приложение 3, стр. 6.
14. Там же, стр. 6.
15. Там же, стр. 17.

16. Там же, стр.
 17. Там же, стр. 2.
 18. Черский И. Д. Сведения об экспедиции... «Записки Академии наук», т. 71, приложение 8, стр. 8—10.
 19. Там же, стр. 9—10.
 20. Там же, стр. 22—23.
 21. Там же, стр. 4.
 22. Там же, стр. 1—3.
 23. Там же, стр. 32, 26.
 24. Там же, стр. 15.
 25. Там же, стр. 11—12.
 26. Эсленд Гуд Робсон. Поездка в Африку, «Вокруг света» 1950, № 10.
 27. Извлечения из протоколов заседаний Академии наук. Общее собрание. Заседание 7 ноября 1892 г., «Записки Академии наук», т. 71, стр. 215.
 28. О последних днях путешественника по Сибири Ив. Дем. Черского, «Записки Академии наук», 1893, т. 72, кн. I, стр. 4—5.
 29. Там же, стр. 2.
 30. Там же, стр. 4.
 - 31—36. Архив Академии наук СССР, ф. 47, оп. 2, № 182.
 37. О последних днях путешественника по Сибири Ив. Дем. Черского, «Записки Академии наук», т. 72, кн. I, стр. 6.
 38. Архив Академии наук, ф. 47, оп. 2, № 181.
 39. Архив Академии наук СССР, ф. 47, оп. 2, № 182.
 40. Архив Академии наук СССР, ф. 47, оп. 2, № 181.
 - 41—44. Архив Академии наук СССР, ф. 47, оп. 2, № 182.
 45. Архив Академии наук СССР, ф. 47, оп. 2, № 181.
 46. Загоскин Мих. Иван Дементьевич Черский. «Восточное обозрение», 1892, № 39.
 - 47—52. Архив Академии наук СССР, ф. 47, оп. 2, № 181.
 53. Из письма академика Л. С. Берга (личный архив М. Н. Черской).
-

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу: Москва, Орликов пер., дом 3,
Географгиз.*

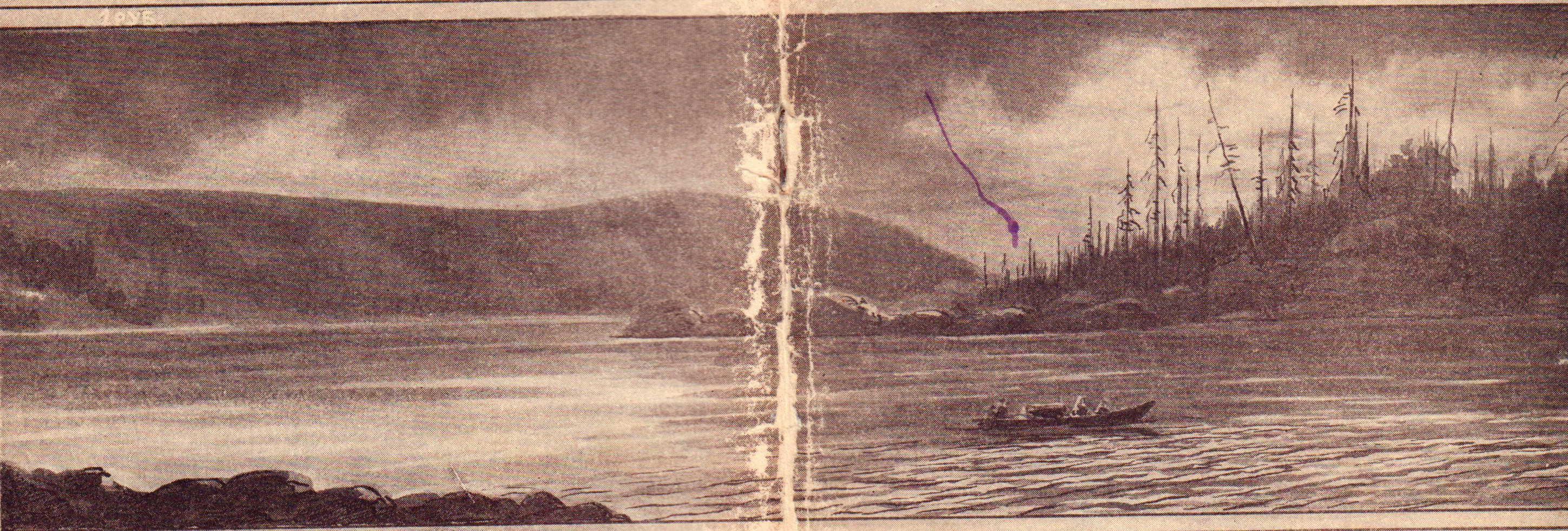
Редактор С. В. Узин

Технич. редактор И. Н. Ривина

Обложка и рисунки художника Г. А. Петрова

Т-00330. Сдано в производство 23/X-51 г. Подписано к печати 17/I-52 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Тираж 50 000. Бумажных листов 1. Печатных листов 3,28. Издательских листов 3. Цена 1 р. Заказ 733

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

В. и Е. ЗАРИНЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ
М. П. ЧЕРСКОЙ

ГЕОГРАФИЗ · 1952